

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НИВХСКИЕ МИФЫ И СКАЗКИ ИЗ АРХИВА Г.А. ОТАИНОЙ

Предисловие и комментарии д.ф.н. А. М. Певнова

Москва
2010

УДК 338 (100)

ББК 65.5

О-95

Нивхские мифы и сказки / Под.ред А.М. Певнова, 2010. — ???с.

ISBN 5-88044-147-4

Книга «Нивхские мифы и сказки» — уникальное собрание фольклора нивхов, одного из коренных малочисленных народов, живущего на о. Сахалин и в бассейне нижнего течения р. Амур. Самобытная нивхская мифология – часть бесценного культурного наследия северных народов — изучена недостаточно. Из приводимых двадцати семи текстов девять ранее были опубликованы только в Японии в 1993 г. Издание представляет академический интерес для этнографов, лингвистов, культурологов и историков.

© Иллюстрации Т.Я. Королева

© Институт лингвистических исследований РАН, 2010

© Иститут истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН, 2010

© «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.», 2010

УДК 338 (100)

ББК 65.5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	XX
-------------	----

МИФЫ

Тылгу 1. Умумз нивх	XX
Тылгу 2. Жена-нерпа	XX
Тылгу 3	XX
Тылгу 4	XX
Тылгу 5	XX
Тылгу 6	XX
Тылгу 7	XX
Тылгур 8	XX
Тылгур 9	XX
Тылгу 10	XX
Тылгу 11	XX
Тылгу 12. Лебеди	XX
Тылгу 13	XX
Тылгу 14. Семь сестер	XX

СКАЗКИ

Нгызит 1	XX
Нгызит 2. Сказка о лысом	XX
Нгызит 3	XX
Нгызит 4	XX
Нгызит 5	XX
Нгызит 6. Женщина людоедка	XX
Нгызит 7	XX
Нгызит 8	XX
Нгызит 9	XX
Нгызит 10. Бурундук и медведь	XX
Нгызит 11	XX
Нгызит 12. Месть лягушек	XX
Нгызит 13. Месть крысы	XX

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для Галины Александровны Отаиной (6 июля 1931 г. — 14 декабря 1995 г.) нивхский был родным языком, знала она его идеально. Впрочем, то же можно сказать и о русском языке, но первый она освоила естественным и неосознаваемым путем — как язык родителей, прекрасное же знание русского — это уже целиком ее личная заслуга, результат долгих целенаправленных усилий.

Галину Александровну Отаину можно считать ученицей как Е. А. Крейновича, так и В. З. Панфилова. Круг специалистов по нивхскому языку в 60-70-е годы XX века ограничивался в нашей стране всего несколькими именами: Е. А. Крейнович, В. З. Панфилов, В. Н. Савельева и Г. А. Отаина. Первым же фольклорные тексты на нивхском языке (на восточно-сахалинском его диалекте) начал записывать еще учитель Е. А. Крейновича — Л. Я. Штернберг.

После прохождения аспирантуры в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (ныне это Институт лингвистических исследований РАН) Г. А. Отаина поехала работать во Владивосток. В Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР (ДВО РАН) Галина Александровна работала много лет. Она была членом-корреспондентом РАЕН, кандидатом филологических наук, старшим старшим научным сотрудником сектора этнографии этого института.

Важнейшим результатом научной работы Галины Александровны стали записанные ею в большом количестве в разные годы (в основном в 70-е) уникальные, бесценные нивхские фольклорные тексты, причем записаны были эти тексты как на родном для нее амурском диалекте, так и на существенно отличающемся от него восточно-сахалинском (который, кстати, Галина Александровна считала не диалектом, а самостоятельным языком).

Вскоре после кончины Галины Александровны фольклорные тексты, набранные на пишущей машинке, взял по собственной инициативе на хранение институт, в котором она работала, а тексты на магнитной ленте были переданы в Государственный архив Приморского края (г. Владивосток).

Весной 2007 года сестра Г. А. Отаиной Зоя Львовна Роник, живущая ныне в Южно-Сахалинске, проявила инициативу и получила эти тексты в институте и в архиве для предполагаемой их публикации. Хотел бы сказать, что благодаря неиссякаемой энергии Зои Львовны ценнейшие научные материалы ее сестры, а также другие работы, посвященные культуре и языку нивхов, не пропадут, будут опубликованы и принесут пользу не только науке, но и нивхскому народу.

Правда, с публикацией фольклорных записей Г. А. Отаиной возникли некоторые проблемы. Главной из них является отсутствие у нас большей части текстов на нивхском языке — переводы есть, а то, с чего был осуществлен Галиной Александровной перевод, пока по непонятной причине отсутствует (хотя, судя по описи сданных 27 декабря 1995 г. Зоей Львовной Роник на хранение в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН материалов Г. А. Отаиной, оригинальных текстов на нивхском языке должно быть не менее 100 в основном машинописных страниц). Перед нами стояла дилемма: либо ждать, когда переводы текстов можно будет издать вместе с их оригиналом на нивхском языке, либо пока опубликовать только переводы. Мы выбрали второй путь — необходимо, чтобы специалисты знали, какую ценность для фольклористики имеет то, что записала Галина Александровна за многие годы у представителей своего народа.

К сожалению, необходимые сведения о рассказчиках, о времени и месте записи для большей части текстов пока также невозможно указать. Остается надеяться на то, что паспортизация текстов будет обнаружена вместе с самими текстами на нивхском языке.

Как видим, данная публикация имеет предварительный характер. Мы очень надеемся на то, что ею будет открыт путь для полного издания ценнейшего научного наследия Галины Александровны Отаиной.

В предлагаемой вниманию читателей публикации переводы нивхских текстов были набраны мною на компьютере с машинописи, хранившейся, как уже сказано выше, до весны 2007 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

При наборе текстов я иногда вносил стилистическую правку (у меня возникло ощущение, что переводы нивхских текстов были набраны на пишущей машинке не Галиной Александровной, а кем-то другим).

Мои примечания в текстах даются в сносках (нумерация для каждого текста отдельная), некоторые мои уточнения и краткие комментарии заключены в круглые скобки. Уточнения и комментарии оригинала (т.е. машинописи, с которой я набирал на компьютере перевод нивхских текстов на русский язык) помечены иначе: / ... /. Иногда в этом оригинале были помечены «звездочкой» слова или предложения, которые, очевидно, должны были получить толкование в примечаниях Г. А. Отаиной; к сожалению, по какой-то причине эти примечания отсутствуют (при наборе я каждый раз отмечал: «здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной»).

Перевод нивхских слов, встречающихся в текстах, дается по нивхско-русскому словарю, составленному В. Н. Савельевой и Ч. М. Таксами (Нивхско-русский словарь: 1970), а также иногда по составленному Е. А. Крейновичем словарю-указателю, в котором выборочно представлена лексика сахалинского (восточно-сахалинского) диалекта нивхского языка (Крейнович 1973: 469-494).

Из 27 набранных мною на компьютере текстов 9 уже были опубликованы в Японии при жизни Г. А. Отаиной (EMI 1993). В этом сборнике представлены, кроме прочих, тексты, которым в нашей публикации соответствуют следующие: тылгу № 3; тылгу № 10; тылгу № 11; тылгу № 13; нгызит № 6; нгызит № 8; нгызит № 11; нгызит № 12; нгызит № 13.

Следует отметить, что из девяти указанных текстов, опубликованных в 1993 году в Японии, три были приведены на нивхском языке, а не только в переводе на русский (в соответствии с нашей нумерацией это тылгу № 13, нгызит № 12 и нгызит № 13).

Прошло уже сто лет со времени публикации ценнейших фольклорных текстов, записанных Л. Я. Штернбергом у сахалинских нивхов (Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора 1908).

Нивхский фольклор, представляющий собой огромную культурную и научную ценность, изучен явно недостаточно. Хотелось бы надеяться, что данная публикация образцов нивхского фольклора, пусть пока только в переводе на русский язык, будет в какой-то мере способствовать пробуждению интереса к культуре и языку нивхов.

Публикуемый здесь нивхский фольклор (в переводе на русский язык) относится к двум видам: т`ылгу(рш) и нгызит. В этой связи процитирую написанное М. М. Хасановой в нашей с ней книге:

«Два основных вида фольклорных произведений существуют и у нивхов (тылгу `предание, рассказ' и нгызит `сказка'), энцев (дёречу и сюдобычу), при-

енисейских ненцев (лаханаку и сюдбабц), нганасан (дюрумэ и ситаби), хантов (потыр, ясынг и маньть, мось, моньсь), манси (потыр и мойт). Различие между этими категориями то же, что и в фольклоре тунгусо-маньчжурских народностей: достоверность или недостоверность с точки зрения носителей» (Мифы и сказки негидальцев 2003: 234).

По-видимому, нивхское слово т`ылгу 'предание, былъ' (в восточно-сахалинском диалекте т`ылгурш) (Нивхско-русский словарь 1970: 394) является довольно ранним заимствованием из какого-то тунгусо-маньчжурского языка. Об этом свидетельствует наличие соответствующих слов в нанайском (тээлу гу (здесь и далее долгие гласные будут обозначаться удвоением буквы) 'предание, легенда'), орокском (тэлу у, тэлу гу '1) рассказ, повесть, предание, легенда; 2) беседа, разговор'), ульчском (тэлу гу 'предание, былъ, рассказ'), удэгейском (тэлу у 'предание, былъ, рассказ'), ороческом (тээлуму, тээлу у 'предание, старинный рассказ'), негидальском (тээлу 'сказка, легенда, предание') и эвенском (тээль '1) рассказ, повествование, повесть, предание, пересказ; 2) весть, известие') языках (Сравнительный словарь 1977: 233). Свидетельством того, что именно тунгусо-маньчжурское слово (*тээлу гу) в данном случае было заимствовано нивхским языком, а не наоборот, служит наличие соответствующего слова в эвенском языке, причем в разных, территориально далеких друг от друга его диалектах. Аргументация проста: если оставить в стороне упомянутое название вида устного народного творчества эвенов (тээль), то в эвенском языке нет никаких иных слов, которые можно было бы считать заимствованными из нивхского. Наличие же в эвенском языке одного-единственного заимствования из нивхского, причем такого, за которым стоит исключительно важный компонент духовной культуры, почти невероятно.

Учитывая то, что упомянутая книга Л. Я. Штернберга была опубликована сто лет назад (в 1908 г.) и представляет собой библиографическую редкость, я счел целесообразным полностью привести содержащуюся в ней весьма полную характеристику двух разновидностей нивхского фольклора — тылгунд и настунд (амур. нивх. нгызит)

«II. Тылгунд — сказание, былъ (вероятно, от прилагательного тыланд — далекий, старинный) — эпос с неперменным элементом чудесного. Сюда входят, прежде всего, мифы о происхождении мира и человека, сказания о жизни того или другого «хозяина» природы, божественного животного, духа и т.д. Далее, идут рассказы, в которых наряду с обыкновенными смертными фигурируют те же герои мифа и культа, — боги-хозяева, обоготворенные звери и люди и всевозможные духи неба, моря и земли. Значительную часть этого рода тылгунд составляют рассказы о любовных связях и даже брачных союзах людей с разного рода животными — земноводными и водяными: медведями, тиграми, тюленями, даже рыбами и т.д., причем животные, согласно основному мирозозерцанию Гиляк, рисуются как существа совершенно человекоподоб-

ные, и по физической своей природе, и по образу жизни, но которые в то же время любят показываться человеку в образе тех или других животных.

Другой обычный сюжет — охотничьи приключения, причем фабулу опять-таки составляет столкновение человека с добрыми и злыми духами, чаще всего с животными. Из этой категории особенный интерес представляют рассказы о благодарных животных — тиграх и медведях, испытавших на себе великодушие человека. Благодарное животное обыкновенно забирает с собою избавителя в свой дом, одаривает его пушниной, иногда отдает замуж свою сестру или дочь и навсегда становится верным союзником человека. Некоторые из этих легенд — по сюжету — представляют поразительную аналогию с Греко-римским циклом сказаний о благодарных животных.

Наконец, идут всевозможные бытовые рассказы вплоть до юмористических включительно, но с непрямым элементом чудесного, будет ли это участие духов или особые магические таланты героя-человека.

Характерная особенность для всех видов тылгунд заключается в том, что Гиляки видят в них не продукты фантазии, а реальные события, имевшие место в действительности. Выдумывать тылгунд — грех. (Подчеркнуто мной. — А. П.) Тылгунд можно передавать только в том виде, в каком он дошел до рассказчика. Это отношение к тылгунд — прямой результат основного мировоззрения Гиляка, который все анимизирует и антропоморфизирует, для которого все одинаково реально — и действительное, и кажущееся, сущее и воображаемое, и явления нормально воспринимаемые, и явления сна или галлюцинации, обыденное и чудесное. При таком мировоззрении нет места критике фактов. Все, что рассказано, как факт, не может подлежать сомнению, хотя бы это был рассказ человека галлюцинировавшего или видевшего те или другие события во сне. Роль снов, как важного источника создания тылгунд, явственно проследывается во многих наиболее типичных текстах, в которых значительная часть фабулы происходит во сне, как, например, в рассказах о благодарных животных, где отцу героя снится целый диалог с тигром, так что невольно напрашивается мысль, не происходила ли вся история во сне. Все легенды о половых сношениях и браках людей с животными основаны точно так же на снах. У Орочей, например, предание о происхождении одного рода от тигра, по их же словам, основано на том, что какой-то девице приснилось, что тигр провел с ней ночь любви.

Такую же роль, как сны, играют болезненные обманы зрения, эротические галлюцинации и т. п. явления; так, в рассказах №№ 25, 26 заброшенный в тайгу охотник принимает то березу, то дверь, то гребень за горную красавицу.

Вот почему такой важный элемент в этом роде поэзии составляют события из охотничьей жизни. Во время промыслового периода охотник проводит целые недели один в своем лесном балагане лицом к лицу с дикими зверями, ужасами суровой природы и невзгодами холода и голода. Даже в обыч-

ное время его сны полны образами зверей и фантасмагориями его демонологии. Но в дни голода, в дни, когда одинокий человек замурован бушующей пургой в своем крошечном лесном балагане, его лихорадящее воображение видит все фантасмагории наяву. А видения, сны для Гиляка — сама действительность.

Так или иначе, Гиляк относится к тылгунд — независимо от его содержания, будь это важнейший космогонический миф или фантастический рассказ охотника — с одинаковым доверием. Все чудесные элементы в тылгунд — факты, не подлежащие сомнению. Тылгунд, поэтому, в жизни Гиляка — неписанная книга священных преданий, передаваемых из рода в род, живая религиозная хрестоматия, на которой и стар, и млад воспитывается в знании родной мифологии и теогонии.

По конструкции и развитию фабулы, по художественному реализму лучших образцов, тылгунд — самая совершенная форма гиляцкого эпоса. По внешнему строю — это обыкновенно прозаические рассказы; стихотворные части в виде лирических излияний действующих лиц — случайные эпизоды.

III. Настунд ... — героическая поэма, своего рода импровизированный тылгунд, от которого он отличается прежде всего способом и формой воспроизведения. Тылгунд, как мы видели, передается из рода в род в раз навсегда установленном виде. Творец его — народ. Настунд — наоборот, импровизируется всякий раз божественным избранником — поэтом и рассматривается слушателями не как предание о действительном факте, а как продукт поэтического откровения. Из всех отделов гиляцкой поэзии настунд ближе всего подходит к нашим сказкам, но отношение к ним совершенно другое, чем у нас. Гиляк видит в них не выдумку, а видение, внушенное духом — покровителем поэта. В отличие от тылгунд, произносимого обыкновенной повествовательной интонацией, настунд, наоборот, всегда поется в состоянии экстаза. Что касается содержания, то хотя зачастую в нем мы встречаем обычные мифические элементы и комбинации, как и в тылгунде, но в общем, построении того и другого разница существенная. В тылгунд — центральными фигурами могут быть одинаково и люди, и боги, и духи, и звери и т.д. В настунд — центральной фигурой является всегда человек, герой; все остальные элементы, боги, звери, духи — только обстановка для подвигов этого центрального героя — человека.

Герой этот всегда без исключения фигура безымянная: «человек один», «женщина одна», «мальчик один» и т. д. Место действия столь же неопределенно. Упоминаются, правда, два-три главных пункта территории гиляцкой оседлости, вроде Головы или Ног земли, но названия селения или определенной местности никогда не встречаются. «Я житель середины бухты» — вот единственный ответ героя на расспросы любопытствующих.

Характерная черта этих безымянных героев — их одиночество. Весьма редко поэт наделяет героя братом, сестрой, матерью, и то это люди слабые,

беспомощные. Наоборот, типичный герой совершенно одинок, до такой степени, что когда требуются самые необходимые помощники, — например, послы для вызова на войну, для приглашения на трапезу медведя и т. п., — ему приходится делать деревянные фигуры и давать им соответствующие поручения. Мы видим здесь полную противоположность кераинд — историческому эпосу, где героем обычно является коллектив — союз сородичей. Но и одиночки — живые типы гиляцкой действительности. В них отражается оборотная сторона родового строя, — трагизм лица, очутившегося без рода и, следовательно, лишенного родовой защиты и помощи.

Бывают случаи, когда сородичи человека вымерли или живут слишком далеко от пострадавшего человека. Бывает, что человек, погрешивший против рода, вынужден выселиться в отдаленное место. Бывает, что эпидемия или война уносит все население уединенной деревни, и трагически выживает какой-нибудь дряхлый старик, беспомощная женщина, осиротелый ребенок. Отсюда и разношерстность героев настунд. То это человек, вынужденный один на свой собственный страх и риск мстить за убитого отца, за похищенную женщину. То это чудом уцелевший во время эпидемии, идущий на месть против злых духов, лишивших его сородичей. То это одинокий ребенок — сирота, «одной только пылью поднимающейся живущий» и подвергающийся козням людоедов, то это дряхлый старик или старуха, обреченные на голодную смерть, то это ребенок, девственно зачатый от одинокой, беспомощной женщины. К ним-то, к этим одиноким и обездоленным, и больше всего влечет симпатия гиляцкого певца.

Их, этих слабых и беспомощных, сочувственная фантазия поэта одаряет избранничеством, сверхъестественной силой, ловкостью, хитростью, помощью духов, — словом, всем тем, что им необходимо в их неравной борьбе, — превращая слабых во всемогущих.

И, действительно, нет подвига, на который бы не был способен наш безымянный герой. «Среди ныне живущих людей кто тебе подобный имеется?», — так характеризуют этого героя даже его враги. Он один съедает целого медведя, он победоносно сражается не только с могучими родами людей, но с людоедами и всевозможными чудовищами; он делает себе послушных рабов из бузины и лиственницы; он вызывает на бой целые селения горных людей; он — могучий шаман и повелитель духов, вызволяющих его из самых отчаянных бед; он делает чудесные исцеления и умеет превращаться в кукушку, чтобы завоевать неприступную красавицу; он взбирается на небеса и спускается в преисподнюю за душами предков; он умирает и воскресает; он то благодетельный спаситель ближних, то патологически жесток, кончая иногда свою героическую карьеру превращением в подземного человека; вся жизнь героя — цепь подвигов, и часто поэт заставляет даже наследников его продолжать эту бесконечную цепь в течение ряда поколений.

Так необыкновенны и разнообразны подвиги героя. Между тем, первоначальные стимулы к его выступлениям, как мы видели, — самые обыкновенные в быту Гиляк: то самозащита, то месть за убийство или похищение женщины, то даже просто потребность в женщине («жену искать пошел»). Для члена рода во всех таких обстоятельствах не требуется никаких специальных добродетелей, ибо он действует не один, а в тесном союзе со многими. Для одинокого в таком положении, наоборот, требуются добродетели сверхчеловеческие, помощь сверхъестественная.

В смысле конструкции настунд совершенно соответствует особенности творчества, его порождающего. Экстаз импровизатора мешает спокойному художественному творчеству, толкая его на необузданное нанизывание фактов, на смешение сюжетов, на растягивание рассказа вплоть до второго, третьего поколения героя» (Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора 1908: XIV-XVIII).

МИФЫ

(ТҰЛГУ(РШ))

ТЫЛГУ 1.

УМУМЗ НИВХ¹

Жили брат с сестрой, поживали себе. Брат был еще мал, а сестра взрослая. Брат пока еще не возмужал, и жили они в пулн рыф².

Брат каждый день рано утром, едва только Кувр³ показывалась над сопкой, вставал и шел в сопки охотиться. Лосей и оленей добыв, полную нарту привозил⁴.

Сестра, как только слышала скрип нарту, сразу выходила навстречу брату, помогала ему нарту спустить. Лосей и оленей, полную нарту, сестра помогала ему разгружать. Разгрузив, в амбар закладывали. Сестра эту добычу

¹ Умумз нивх 'смелый человек' (Нивхско-русский словарь 1970: 394).

² Вероятно, пулн рыф 'круглый дом'.

³ Кувр 'Венера' (Крейнович 1973: 473).

⁴ То, что главным занятием героя является охота на лосей и оленей, весьма любопытно, так как не соответствует нашим представлениям о традиционной культуре нивхов; такой герой-охотник характерен для фольклора соседних тунгусо-маньчжурских народов, для которых именно охота в горной тайге на протяжении многих столетий была главным занятием и оставалась таковым до недавнего времени.

Правда, в начале этого текста рассказчик уточняет: «А когда река вскрывалась, спустившись к реке, всякую рыбу — и сазанов, и калугу — добывал, и птиц приносил своей сестре».

варила, брата кормила — и лосиным, и оленьим мясом. Вместе они ели /обычно/. И так весь год — то лосей, то оленей добывал. Какие бы лесные звери ни водились, всех их добывал. А когда река вскрывалась, спустившись /к реке/, всякую рыбу — и сазанов, и калугу — добывал, и птиц приносил своей сестре.

И вот снова наступила зима. Однажды он ушел в сопки. В это время у сестры дверь отворилась. Кто-то вошел. Сестра посмотрела. Рыжая собака прыгнула в дом. Войдя (таким образом), эта рыжая собака стала ласкаться к ней, лизала лицо и поскуливала. Скулила и хвостом виляла.

И тогда ей (женщине) стало досадно.

— Да что это за собака, чья собака так расшалилась: то прыгает, то ласкается.

Говоря так, она ругалась.

Рыбным ножом, расстроившись, ударила рыжую собаку. А та собака человеческим языком сказала:

— О женщина, женщина, ой, больно! Я человек небесной земли.

А женщина думает:

— Человека побранила!

И выскочила /собака/. За ней выбежала (женщина) иглянула вверх и вниз по реке — той собаки не было. Тогда она вверх, на небо посмотрела. Только ноги той собаки белея мелькали⁵. Сверху послышалось:

— О женщина, женщина, правый мизинец иглой уколи, выпусти кровь и принеси жертву через матьхути⁶.

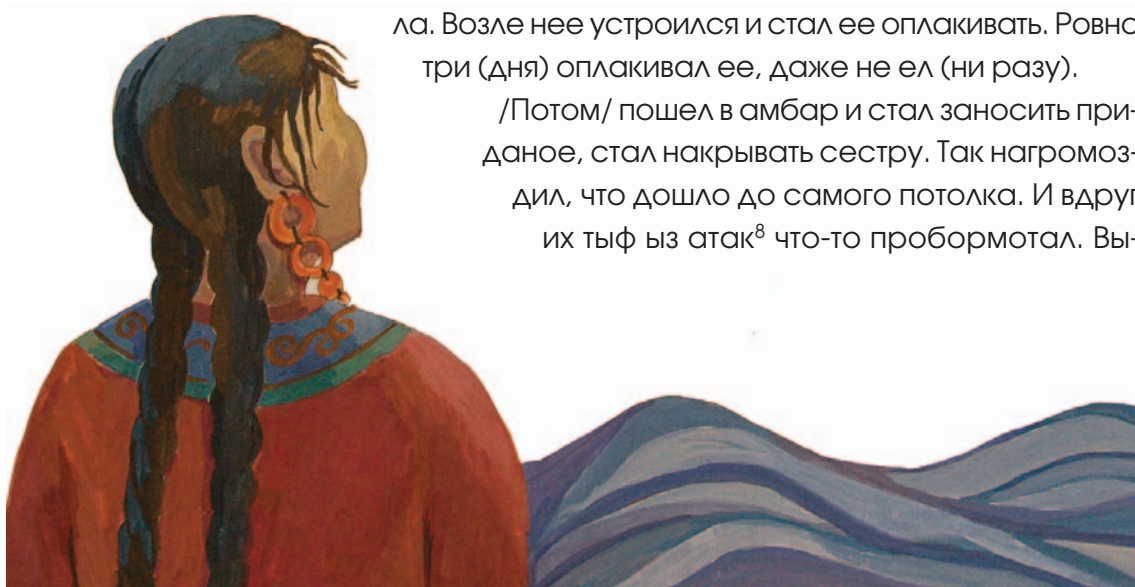
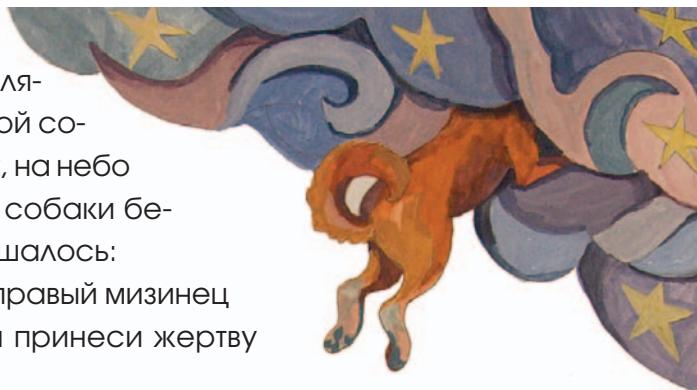
Как было сказано, она выпустила кровь, принесла жертву. Затем пошла на понах⁷ и села. Стало колоть в животе, от боли она ходила туда-сюда и каталась на нарах; от страшной боли страдая, шла к нарам, потом к окну. И вот уже посреди нар, раскинувшись, умерла.

Вскоре после этого ее брат мясо лося и оленя привез, спустился. Бывало, как покажется дом, всегда шел дым. А сейчас и дыма не было видно, на трубе их был иней. Подумал:

— Что же такое случилось с (моей) сестрой, ушла куда-нибудь, исчезла?

И быстренько спустился, к амбару нарту подтянул и бросил. Мясо даже не выгрузил. Вбежал в дом. За дверную ручку ухватился и прыг в дом. Везде искал глазами. Его сестра посреди нар, раскинувшись, мертвая была. Ничего не поймет, отчего же она умерла. Возле нее устроился и стал ее оплакивать. Ровно три (дня) оплакивал ее, даже не ел (ни разу).

/Потом/ пошел в амбар и стал заносить приданое, стал накрывать сестру. Так нагромоздил, что дошло до самого потолка. И вдруг их тыф ыз атак⁸ что-то пробормотал. Вы-

⁵ Непонятно, почему у рыжей собаки ноги «белея мелькали».

⁶ Матьк'ути 'небольшое четырехугольное отверстие на дверной передней стене жилого строения (реликт прежнего дымового отверстия в древних землянках)' (Нивхско-русский словарь 1970: 178).

⁷ Понах 'нары (находящиеся против входа в жилое помещение)' (Нивхско-русский словарь 1970: 267).

⁸ Дед — дух-хозяин дома.

скачил (наш герой), принес
лосиный жир и намазал им
рот хозяину дома. Только то-
гда дедушка — хозяин до-
ма — сказал ему:

— Твоя сестра вышла
замуж за небесного че-
ловека.

— Дедушка, дедушка,
подскажи мне, как подняться. Я
хочу подняться (на небо).

Дедушка ответил:

— У вас /в роду/ есть духи-помощники — ле-
тающая жаба и летающая змея.

И стал он (очевидно, герой) вызывать летающую жабу. Че-
рез какое-то время раздалось шуршание, и жаба влетела через
тамахута⁹.

— Детки, детки (детка, детка?), — говорит жаба, — в какую страшную беду
угодив, ты позвал меня?

— Дедушка, дедушка, я на небо хочу подняться, подними меня на небо.

Сел на пол. Только в ушах засвистело, поднимается и смотрит: до звездных
отверстий очень близко. Наш герой слышит, что-то загрохотало.

— Умумз нивх поднимается, на летающей жабе поднимается. Переломите
его пополам.

Вокруг звезды стал летать. И хотел пролететь.

— Узкой саблей разрубите его пополам!

Снова хотел проскочить в отверстие. Разрубили его пополам. Куски мяса
упали вниз. В большое море попали. Размером с собаку морские кенахку¹⁰
подкарауливали его.

Наш герой, превратившись в тонкую иглу, взвился и попал на отмель. Опу-
стился и туда-сюда бегал — кругом вода. Вода стала прибывать и достигла
колен. Вдруг вспомнил и стал звать летающую змею. Немного погода ш-шаш¹¹
— появилась. Как только она приблизилась, вскочил и сел на нее.

— Дедушка, дедушка, подними меня на небо.

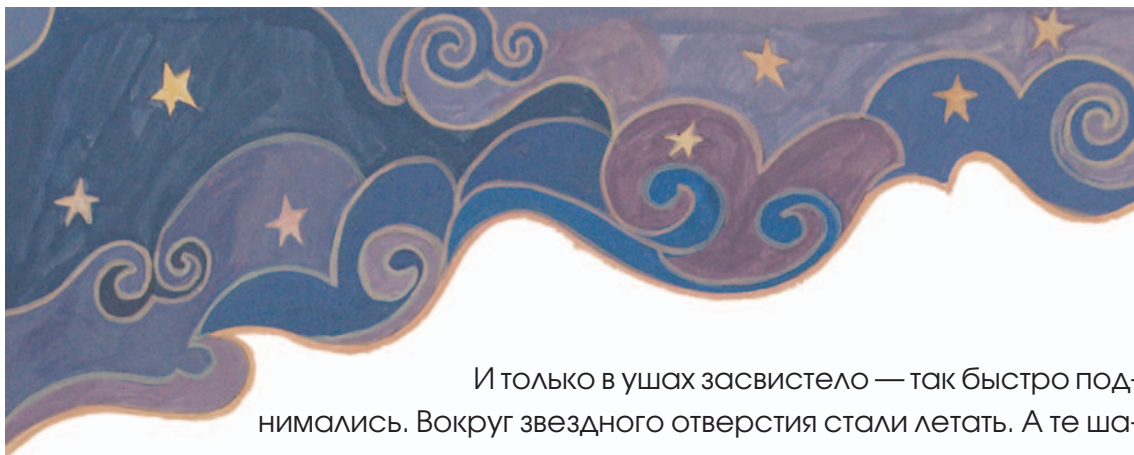
⁹ Т'омо-хуты? Нивх. амур. т'омо, вост.-сах. т'омс 'дымовое отверстие в крыше древнего жи-
лища нивхов', к'уты (хуты) 'отверстие' (Нивхско-русский словарь 1970: 383, 136).

¹⁰ Ке ах 'миф. громадное хищное насекомое' (Нивхско-русский словарь 1970: 108); ке ах-ку —
форма множественного числа.

¹¹ Ш-шаш (о подползающей змее) — если это нивхское образное слово, то странным кажется
наличие в нем звука ш, который, как известно, в нивхском языке (по крайней мере, в его
амурском диалекте) отсутствует.

И только в ушах засвистело — так быстро поднимались. Вокруг звездного отверстия стали летать. А те шаманы поют:

— Разрубите его на пять частей!

И захотел проскочить в отверстие. На пять частей его разрубили. Кенахи размером с собаку съели (его), только кости забелели¹² — исчез (в оригинале: исчезли).

В тонкую иглу (наш герой) превратился, взвился и достиг противоположной отмели. Туда-сюда бегает — всюду вода. Тут он вспомнил и стал звать Матнганерпу¹³; она с шумом приплыла и пристала. Вскочил, обернулся тонкой иглой и уселся у нее между глаз.

— Отвези меня к морскому хозяину.

Скоро пристали к берегу морского хозяина. Вскочил, обернулся человеком и, поднявшись, вошел. Морской хозяин на нарах раскинувшись, спал. Прошел к ногам морского хозяина и сел.

Старуха его (т.е. жена) встала у переднего окна и стала ругать старика (мужа) своего:

— Богатый ли человек придет, бедный ли придет — все время, знай себе, спит; встань, о новостях расспроси.

¹² Хотелось бы подчеркнуть яркую образность — «только кости забелели» (т.е. так его съели).

¹³ Матнганерпу — «разновидность пятнистого тюленя» (Нивхско-русский словарь 1970: 178).

— Ох-ох, — простонал и встал. — Гость, оказывается, пришел. Где-то заблудившись, в мой бедный дом пришел, зверя ли преследуя, в мой дом пришел или (отсутствует фрагмент перевода — очевидно, глагол) ту, что волосы будет расчесывать (?), в мой бедный дом пришел?

Тогда наш юноша отвечает:

— Как а мытри (?), на небо быстро подняться хотел, потому к тебе пришел.

Опустил тут свою булаву и стукнул куфкуык (?).

— Слуги, слуги, возьмите того белого коня и поднимите его.

Вот слуги привели того летающего коня¹⁴ со сверкающими глазами, вдесятером его держали. Когда глянул выше, увидел маленький домик. Повернулся мигом и вскочил на того коня. Поднимаясь, конь ему говорит:

— Храбрый человек, ты не будешь так подниматься, обернись тонкой иглой и садись на переносицу.

Уже на небо поднялись. Тогда послышалось:

¹⁴ Огромный белый летающий конь со сверкающими глазами — это образ, явно заимствованный откуда-то с юга (в конечном счете, вероятно, из маньчжурского фольклора).

- Бум-бум, на летающем коне поднимается. Пересчитайте ему шерстинки на шее и на хвосте.
- Шерсть на шее и на хвосте уже пересчитана.
- Всю шерсть пересчитайте.
- Уже вся шерсть пересчитана.

— Раздвинув звезды, пропустите.

Летающий конь стремглав ринулся в отверстие и поднялся на небо. Бум — ступил (юноша) на землю. И говорит коню:

— Какая удача, что ты поднял меня. Возвращайся домой.

А сам надел лыжи и, опираясь на две палки, помчался, только вихрь закружился. Бежит и видит, что облезлые волки друг друга кусают.

— Если умумз нивх появится, то вот так его покусаем.

И друг у друга куски мяса откусывают.

Наш герой стукнул себя по голове. Мухой обернулся и пролетел, жужжа, над ними. Как только миновал их, так снова стал сам собою и, опираясь на палки, двинулся дальше.

Когда он поравнялся с длинным мысом, из горной скалы вышла женщина.

— Гость-гостюшка, приблизься, позволь узнать новости, — крикнула /она ему/.

— Нет, я спешу к умирающему человеку.

И когда посмотрел в ее сторону, увидел прекрасные волосы у женщины. А та женщина, подобрав и закрутив волосы, небрежно бросила в него. Зацепила за лыжи и потянула к себе, он только и за (пропущен фрагмент перевода) назад. Когда наш юноша приблизился к ней, он вынул нож и обрезал (женщине) волосы, а сам пошел дальше.

Когда немного отошел, видит (слышит): рыжая лиса «мео кфай конойа» (?) кричит.

— Храбрый человек, к горной скале тебя прижму, и ты прилипнешь. Стоит мне чуть приподнять хвост, ты там и прилипнешь, — сказала.

И слегка приподняла свой хвост: к скале прилепив, прижала. Наш герой пел и просил помощи у всех стихий — ниоткуда нет помощи, (никак невозможно двигаться). А та женщина ходила мимо него туда-сюда. Чудесный юноша так исхудал, что кости да кожа остались.

— Ну, — говорит женщина, — берешь ли меня замуж? Если не возьмешь, так и сгинешь.

— Освободи, — отвечает, — возьму тебя в жены.

И тогда освободила его. Освободив, схватила и ввела в дом. Снаружи если посмотреть — скала скалой, а вошел — увидел чудесный светлый дом. Лиса-женщина откормила его, и стал он лучше прежнего. И вскоре попросил:

— Позволь сходить к моей старшей сестре.

— Твоя сестра вышла замуж за сына небесного старейшины, — сказала она, — как минуешь длинный мыс, так и будет их город.

И наш герой вновь побежал, только вихри закружились. Прошел мимо длинного мыса. Длинное поселение показалось. По берегу небесного старейшины поднялся. Снял лыжи, повесил на крюк и вошел. Войдя, оглядел на-ры. Его сестра лицом вверх /по течению реки/ сидит¹⁵. Его зять, высокий и краснокожий, лежал на спине. Сестра глянула на него и опустила голову, покраснев. Наш юноша прошел между двумя очагами, остановился. Тогда зять миглом вскочил.

¹⁵ Героиня сидит в жилище «лицом вверх по течению реки»; у нивхов, как и у других народов Приамурья, чрезвычайно важную роль играла «речная ориентация», см. об этом (Хасанова 2007: 183-216).

— О, апак¹⁶ прибыл! Давай немножко поиграем (позабавимся), а потом сядем и новостями обменяемся.

Потянув с полки узкий ящичек, узкую саблю, блестящую саблю вытащил. Зять подскочил, держа узкую саблю. Подошел к апаку и, вонзив в спину саблю, прижал. Жмет-жмет, сабля глубоко вошла и заскрипела. Наш герой со слезами снял свои нарукавники, закинул за спину зятю и стал затягивать. Когда он затянул нарукавники, скрип раздавался с двух сторон. Тогда его сестра пошла и выдвинула ящичек. Подойдя с саблей, приставила к животу брата и стала жать. И вот брат надвое переломился. А затем, взобравшись на нары, стали хвастаться. Зять говорит:

— Я ст ящий человек, оказывается, — храброго человека убил.

И его сестра стала хвастаться:

— Я тоже ст ящая женщина, братца надвое перерезала.

Ее брат между двух очагов, раскинувшись, лежит. Через некоторое время дверь их отворилась, и когда они посмотрели, рыжая лиса впрыгнула. Прошла, остановилась возле тела мужа и стала ругать:

— Проклятая женщина, почему ты такая «долгоглупая»¹⁷! Когда ты умерла, приданое до потолка дошло, ты этого не помнишь?

Тогда муж прыгнул, схватил саблю и стал ругаться.

— Что это за рыжая лиса, я даже храброго воина убил.

Подскочил с саблей, широко расставляя ноги, топая, шел. Когда он подходил, лиса сказала:

— Стоит мне чуть приподнять хвост, так и застынешь на месте.

И приподняла хвост. Так и остался стоять он, вытаращив глаза. Сестра выкрикнула:

— Что это за человек такой, храброго воина убила, а какую-то лису не смогла убить!

Шаг за шагом к мужу подошла, возле него встала. Лиса опять чуть приподняла хвост. После этого сестра так и осталась стоять. Лиса подошла, соединила кости мужа. Хвостом своим пригладила. Наш герой тут вскочил как ни в чем не бывало.

— Еще и не хотел на мне жениться, без меня бы ты так и умер, — сказала, пошутив.

— Ну, поступай, как хочешь, воля твоя.

Наш герой подошел к зятю, схватил за волосы и выкинул в тамы-хути¹⁸.

— Толстой лиственницей старой поднимись, — сказал.

Ноги вверх, руки стали ветками, а голова, опустившись, корнями сделалась. Потом сестру схватил за волосы.

¹⁶ Апак 'тесть' (Нивхско-русский словарь 1970: 34).

¹⁷ По-видимому, это дословный перевод нивхского слова.

¹⁸ См. примечание 7.

— Еще разок меня увидишь, а потом умрешь. Брошу в море, сделаешься дельфином цвета воды, один раз вдохнешь — люди тебя убьют.

И правда, раз глянула на брата, раз сделала вдох, и люди убили дельфина. Затем вышел из дома, вытащил стрелу и наказал ей:

— Из дома в дом лети и убивай их.

Затем выстрелил и посмотрел: из дома в дом вылетала окровавленная.

ТЫЛГУ 2.

ЖЕНА НЕРПА

Трое жили вместе. У старшего была жена, у младшего — не было. Старший брат постоянно, каждое утро говорил своей жене:

— Умой его и причеши, вынеси его одежду, вытряхни и проветри, а потом повесь на чан¹.

А тот юноша, младший брат, ничего не делал; выпится и встанет.

Его жена (жена старшего брата) подойдет, умоет его и причешет, одежду вынесет, вытряхнет и проветрит — и так каждый день /повторялось/. Всегда кормила его из котла, клубящегося паром.

И вот уже пролетело время, и юноша поднялся, возмужав. А та женщина подумала тайком:

— Выйду я за него, — вот что придумала.

Старший брат уходил в тайгу и то лося, то оленя, то /другого/ лесного зверя добывая, их кормил. И вот однажды младший брат рано утром сам встал, сам причесался, из своей одежды надел то, что получше, а что похуже — оставил.

Немножко вроде бы поел и вышел, взял острогу, надел лыжи, двинулся рами /на ту сторону/² и скоро исчез из виду.

Далеко ли, близко ли шел — пришел на берег моря. На берегу моря толстая-претолстая ива поперек лежала. Направился прямо к этой иве и стал смотреть на ту сторону.

И вот там, (где только) «достаёт глаз», увидел: (нечто) то исчезая, то выныривая, приближается. Когда (оно) поближе стало, разглядел: нерпа-ларга, с очень красивыми пятнышками. Исчезая-появляясь, приближалась. И вот, пристав с ходу, сбросила шкуру. Оказалась красивой белокожей женщиной. Там был домик из стружек, для игр этой женщины.

Увидев нашего героя, хотела убежать, да некуда бежать-то. И стали они разговаривать. И вот уже она согласилась /приняла его предложение/. Долго они были вместе, и на закате она сказала:

— В вашей земле живущего лося хочу отведать, пятнистого лося.

Взяла немножко болотного багульника, настрогав стружки, отдала ему. Потом вошла в свою шкуру, превратилась в нерпу и уплыла. Отплывая, сказала:

— Я /маленькие/ столики и посуду принесу.

¹ Ч'а 'вешала для просушки юколы' (Нивхско-русский словарь 1970: 443).

² Ршами 'направление движения с берега в глубь водного пространства' (Нивхско-русский словарь 1970: 320).

Да и исчезла из виду.

А юноша домой вернулся. Когда солнце село, в сумерках в свою деревню вернулся. Поднялся к дому, снял одежду, острогу оставил, потом, когда старший брат вернулся, поели. Он ничего не рассказал, а те ничего не спросили.

Юноша, пока они спали, рано утром встал и в лес пошел. Далеко ли, близко ли (шел). И муж той женщины тоже ушел.

Тогда женщина взяла одежду юноши, надела лыжи и отправилась по его следам. Много мрей³ пройдя, пришла к морю. Ту иву увидела; место, где он закопался, оставалось заметным. И она сделала то же самое, закопалась в песок, только глаза оставила.

Стала смотреть на ту сторону: ныряя-выныривая, приближается (нерпа). Вдоль берега поплавав, высунулась по грудь и говорит:

— Что-то боязно мне выходить, почему бы это?

Тогда наша женщина ответила:

— Что с тобой, мы только вчера договорились, выходи, не бойся.

И тогда женщина-нерпа стала выходить, шурша песком. А наша женщина подбежала и, размахнувшись, бросила /острогу/. Женщина-нерпа принесенным ею столиком защищалась, но доска расщепилась и острога вонзилась в грудь. Женщина и нерпа тянут (каждая) в свою сторону. Когда нерпа пересиливала, наша женщина по грудь в воду погружалась, когда наша женщина пересиливала, нерпа почти на земле оказывалась — так они боролись /состоялись/.

И вот ремень оборвался, возле самого чамр⁴. И тогда нерпа с шумом отплыла. Подальше отплыв, сказала:

— О женщина, женщина, передай брату своего мужа, пусть меня не преследует, он окончит свои дни.

И исчезла (нерпа).

Тогда наша женщина явилась домой, без единой сухой нитки. Днем добралась, быстренько постирала одежду и повесила сушить, старенькую острогу оставила, косы две заплела (здесь должно было быть примечание Г. А. От-аиной), уселась как ни в чем не бывало.

Скоро тот юноша появился, громко топая. Посмотрел на свою одежду, а она вся мокрая, еще капает с нее, и острога его исчезла, какая-то старенькая острога валялась. Вгляделся хорошенько и все понял.

Вошел и спросил:

— Что с моей одеждой?

— Только что смерч налетел и сдул одежду в воду, замочил.

³ Марь — «болотистое кочковатое пространство в тайге, поросшее мелким кустарником» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 151).

⁴ Ч'амр 'острога'? Ср. нивх. ч'амрах 'железный наконечник остроги' (Нивхско-русский словарь 1970: 443).

И острогу якобы смерч оборвал, а собаки ремень куда-то дели. Юноша бросился на свои нары, свернувшись клубком, даже не поел.

Рано утром вскочил, надел лыжи и отправился. Достиг той земли и на своем месте спрятался, стал ждать.

И вот с той стороны две маленькие нерпочки, ныряя-выныривая, подплывали. Одна еще мала, другая тоже не совсем взрослая. Пристали и сняли свои шкурки. Идут и разговаривают друг с другом:

— Где-нибудь издалека увидеть бы нашего жениха (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), передали бы слова старшей сестры.

И они поднялись, вошли в дом из стружек. Там слышно было смех и разговор. Открыв дверь, вошел. Младшая сказала:

— Вот он, жених.

И стал (он) их расспрашивать.

— Старшую сестру чуть не убил умумс нивх⁵. Его острога, расщепив доску, вонзилась в грудь, она почти умирает. Когда мы уходили, сестра наказала не пускать тебя.

Тогда он, наломав болотный багульник, отдал им. Эти девочки спустились на берег, надели свои шкурки и отправились, плыли-плыли и исчезли.

Наш герой думает:

— Как бы переплыть?

И вдруг вспомнил. Ножом для строгания срезал ветку ивы, настрогал тях⁶ и сделал фигурку у а (?). Затем запрыгнул на нее. Тогда эта фигурка поплыла, издавая звук «у-у-у» /крича/.

Плыли-плыли и когда миновали середину моря (!), доплыли до того места, где встречаются соленая и пресная вода. У а говорит:

— У-у, как доплыву, когда пресная вода, грохоча, приближается?

Наш герой вытащил стрелу и выстрелил. Стрела взметнулась. Наш герой уселся на нее и полетел. Когда эта стрела стала падать, другую вынув, выстрелил. На ней летел, и вот земля /уже/ показалась. Как только достиг берега, отправился в сторону деревни. Вот видит женщину с девочкой, по воду идут. Они разговаривали:

— Увидеть бы где-нибудь умумс нивха.

Девочка сказала:

— Не надо, не надо, где бы ни говорили, умумс нивх слышен (слышит?).

Набрали воды и повернули назад. Наш герой разглядел их: девочка — та, которую вчера видел, которая постарше — другая. Когда он подошел к ним, девочка сказала:

— Вот он, храбрый воин.

⁵ Умумз нивх 'смелый человек' (Нивхско-русский словарь 1970: 394).

⁶ Тя 'стружки' (Нивхско-русский словарь 1970: 375).

Спросил у них о новостях. Они ответили, что самые разные шаманы прибыли камлать.

— Моя старшая сестра почти при смерти.

Им сказал:

— Не говорите, что я пришел.

И пошел к себе в соседний дом. Там старик со старухой жили.

Вошел, разделся и обратно вышел на улицу. Вышел и слышит:

— Ой-ой, что это за человек?

Потом вернулся и расспрашивал о новостях:

— Дедушка-дедушка, бабушка-бабушка, что это там гремит, есть ли шаманы?

А те ответили:

— Ой-ой, на средней земле умумз нивх (в оригинале: Умунив) есть, к нему дочь нашего старейшины переправлялась. Когда во второй раз переправилась, он ее острой колот, чуть не убил.

— Дедушка, бабушка, я пойду, послушаю камлание шаманское.

И захотел оттуда выйти. Тогда они (старик со старухой) уже догадались /кто он/.

— Сынок, сынок, не ходи туда, днем и ночью, кто копье делал, кто стрелы — так тебя караулили.

А наш герой:

— Да ничего, я пойду.

Стрелой выскочил из дома. Шел в ту сторону, где шаманы пели, и догнал слугу. Стал его расспрашивать:

— Приятель, а приятель, куда ты идешь?

Слуга отвечает:

— Мою хозяйку человек средней земли уколол, чуть не умирает. Хочу пойти послушать и посмотреть на свою хозяйку, вот и иду.

— Слуга, скажи, где твой канга⁷?

— А у окна, за подушкой.

— А проголодавшись, у кого просить (?)?

— Да вот та, которая умирает, только она и жалеет меня (непонятно).

Потом он схватил слугу и, не слушая его воплей, стал бросать его на землю, пока кости не выпали. Надел его кожу, хромая дошел, взялся за дверную ручку и услышал, что водной стихии шаман говорит:

— Ну, вот сейчас уже войдет.

Слуга дернул и открыл дверь и тогда — кто с копьем, кто со стрелами, кто с горячей берестой — каждый хочет его достать. А слуга сказал:

⁷ а га 'варган (губной музыкальный инструмент)' (Нивхско-русский словарь 1970: 141). Очевидно, это деревянный, а не металлический варган, ср. негидальское ко кихи 'деревянный варган (губной язычковый музыкальный инструмент)' (Мифы и сказки негидальцев 2003: 169).

— Вы что это, меня за умумз нивха (в оригинале: Умунивха) приняли?

И похромал.

— И чего ты ходишь в такую пору?

— Да сходил бы в соседний дом, поел.

Хромая, протопал на свое место. Проходя, глянул на свою невесту. Она взглянула — покраснела и отвела глаза, узнала (его).

А шаманы пели — и низовские, и верховские (т.е. те, которые живут вниз по течению реки, и те, которые живут вверх по течению реки). Один говорит:

— Пока еще на той стороне находится.

Другие (говорят):

— Сделав у а, переправляется.

Еще один сказал:

— Уже почти до середины /пути/ добрался.

Шаман водной стихии говорит:

— Он уже добрался до этой земли, может в любой момент войти, караульте, смотрите как следует.

Выждут немного, бересту зажгут и топ-топ, кидаются к двери. Наш герой вдруг подошел к своей хозяйке:

— Хозяюшка, и курить так хочется, и есть так хочется!

Его невеста кетовую юколу, которую сама не поела, отдала ему. И листовой табак дала. А шаманы камлали себе. Когда заканчивали петь, слуга согревал им бубны. И говорит /нагрев один бубен/:

— Позвольте мне камлать.

Сам захромал.

Тогда ему в ответ:

— Да ты что, в такое хлопотное время даже слуга хочет камлать.

Несмотря на это, он поднял бубен и ударил «тнока-нокре, покле-нагле, тнока-нокре» (здесь должно было быть какое-то толкование этих слов Г. А. Отаиной). И спел словами:

— Послушай, трижды обойду я пол, подойду и стану вытаскивать чамрх (острогу).

И трижды прошел он, потом встал, оперся на одну ногу, выдохнул (?) на острогу и стал тянуть /вытягивать/. Чамрх (острога) вышла до середины. И он снова запел. Покружил по дому, снова выдохнул и потянул. Вытащил чамрх (острогу) и бросил на землю. Упал на пол и зазвенел — ... (предполагалось примечание Г. А. Отаиной).

Тогда женщина сказала:

— Слуга-то оживил меня, и я выйду теперь за него замуж.

Тем шаманам стало стыдно и они, взяв свои вещи, ушли. Еще раз спел и погладил — не осталось шрамов, и стала она, как прежде. Потом ушел /он/:

— Завтра приду.

И отправился к своим старикам. Дошел до места, где он надел кожу слуги, снял ее, дунул /дохнул/ на нее. Тут слуга встал как ни в чем не бывало и недоумевает:

— Приятель, что это было, неужели я вздремнул? Только что я здесь был и потом потерял сознание, а теперь вновь здесь очутился.

Здесь он слугу и оставил, пошел к деду-бабке своим. А они:

— Смотри-ка, живой пришел.

Тогда он стал рассказывать о себе:

— Я — умунивх (так в оригинале), средней земли человек, не я ранил, а жена моего старшего брата, пока я пятнистого лося искал, надев мою одежду, ее ранила.

Они слушали, вытаращив глаза.

— Я недавно пошел сам камлать и вынул чамрх (острогу), спас ее, это она ко мне приходила, а теперь я на ней женюсь.

А дяди той женщины уже подкарауливали его. Один из них был морж, а другой — медведь, обмазанный глиной. Наутро он шел к женщине своей. Тогда эти звери на берегу были, у воды. Наш герой достал находившуюся за пазухой рыбу немла⁸ с белым ртом и покормил моржа, а медведю бросил осетренка. Тогда те говорят:

— Зятек, зятек, ты к нам в гости приходи.

И он пошел к жене. Там долго они были вместе. А тех девушек не было. И сказал своей жене:

— К своим апакам⁹ отправлюсь.

Снова сделал (он) у а и отправился. И там, где соленая вода встречается с пресной, его поджидали апаки. Наш герой, вынув стрелу, выстрелил и полетел на ней. Попал на землю на той стороне. Дальше, проваливаясь, пошел пешком. Показался дом. Из этого дома выскакивает тот, кто моржом обернулся, громко рычит, нижняя губа по земле волочится, верхняя — чуть ли не до носа достает, во рту огонь сверкает. (И этот страшный) ринулся к нему. Наблюдая, как он к нему приближается, весь собрался, приготовился. Подпустил к себе и прыг — к нему в рот вошел. Только челюсти щелкнули. Забрался к нему в нутро, вынул нож и давай перерезать кишки. Тогда «Ох», — раздался стон.

— Зятек, зятек, я выпущу тебя.

Наш герой — раз и выскочил. В это время его апак уже в человеческом облике оказался — высокого роста, полный человек. И тогда /говорит/:

— Ну, давай пойдем.

Вместе к дому апака подошли. Открыв рывком дверь, вошли. Те две девушки здесь оказались. Они вскочили и убежали. Здесь он заночевал, апак его угощал самым разным. Потом говорит:

⁸ Немла 'ленок' (Нивхско-русский словарь 1970: 208).

⁹ Апак 'тесть' (Нивхско-русский словарь 1970: 34).

— К другому апаку — к медведю, вымазанному глиной, отправлюсь.

Да так и вышел быстро и пошел вдоль берега вниз по течению.

Когда он миновал мыс, опять один дом показался, как и в первый раз. К берегу у этого (дома) подошел. Тогда ормихотр¹⁰, как тот апак, ринулся к нему. Опять запрыгнул в открытый рот и стал перерезать кишки. Всё, как и в первый раз.

Вместе поднялись, когда вошли; те две девушки там были.

— Ну, женщины, женщины, здесь я вас и поубиваю: чуть не лишившись жизни, вас догонял.

Тогда девушки сказали:

— Не убивай нас, нам бежать больше некуда, ничего не поделаешь, пойдём с тобой.

И апак уговаривает:

— Зятек, зятек, не сердись.

Там они погостили, и когда втроем возвращались домой, заехали к апаку-моржу. Он им гостинцев приготовил. Сели на амбар и отправились к жене (в оригинале предполагалось примечание Г. А. Отаиной).

Там они долго гостили. Апаки половину мари им отдали, слуг дали, и вот все вместе отправились домой. Летели (в оригинале предполагалось примечание Г. А. Отаиной) и, когда приостановился /амбар/, вышли — возле своего дома очутились. Смотрят — старший брат радостный вышел, жена его тоже рада была. И вот он говорит старшему брату:

— Ну что же, возмись за ногу своей жены, иначе я убью тебя.

Старший брат, хмурясь, взялся за ногу жены. А наш герой взялся за другую:

— Тяни!

Старший брат оперся на одну ногу и дернул. Женщина «Ой-ой!» еще кричала, они пополам ее разорвали и выбросили. Старший брат так и стоял столбом. Тогда младший тех двух девушек взял за руки, одну в правую руку брату отдал, другую — в левую. И говорит:

— Чуть жизни не лишился, чтобы тебе их привести, пусть это будут твои жены.

¹⁰ Орми- отр 'глиняный медведь'; орми 'глина', 'отр 'медведь' (Нивхско-русский словарь 1970: 246, 151).

ТЫЛГУ 3

(опубликовано в EMIIS только в переводе на русский язык, с. 171-172)

Было три человека. У молодого была жена и ребенок. Они отправились в море добывать нерпу или промыслить, что придется. Через несколько вечеров, когда солнце уже садилось, пристали, разожгли костер и устроили место ночевки.

Как только солнце зашло, увидели, что с той стороны кто-то движется пешком по воде. Тогда старшие поставили молодого в середину, а сами (встали) по обе стороны от него и стали смотреть на приближавшегося. Видят: это женщина с ребенком. Старшие сказали:

— Кто бы это мог быть? Вряд ли это добрый человек.

Каждый проверил свое копье. Когда фигура приблизилась, оказалось, что это жена их молодого товарища, с ребенком на руках. И тогда они сказали своему молодому товарищу:

— Будь начеку, это злой дух в ее образе.

Вот она уже подходит к берегу и смотрит на мужа, улыбаясь. Приблизилась и села возле мужа. Тогда ее муж прилег с опаской. Улеглась возле мужа. В это время старик прыг — и уколол ее копьем. Уколол — она исчезла¹.

До сна ли тут? Встали, развели костер и беседовали. Своему товарищу молодому сказали:

— Друг, когда вернемся, ты услышишь новость.

Когда рассвело, они отправились домой. Вот вернулись домой, а жена-то молодого умерла². Всё.

¹ То, что она исчезла, говорит о том, что это была душа жены, а не сама она (примечание Г. А. Отаиной к опубликованному тексту).

² Жена умерла раньше, и это ее душа приходила к мужу (примечание Г. А. Отаиной к опубликованному тексту).

ТЫЛГУ 4

Была только одна деревня. В ней жили три брата. У каждого были свои собаки, всего три упряжки. Они ушли охотиться, указав срок своего возвращения. У старшего была жена и ребенок, еще в люльке.

Примерно в то время, когда они должны были вернуться, однажды ночью завыли собаки. Некоторые лаяли, некоторые визжали. Рассвело. Женщина вышла, посмотрела на собак: одной упряжки нет целиком. Женщина испугалась: кто-то уничтожил собак. Пока солнце было еще высоко, нарубила дров, натаскала воды. Развела огонь, согрела чай, поела. Когда солнце садилось, вошла в амбар, занесла длинный ремень. Привязала к двери и закрепила на столбе. Стемнело, и она стала ждать.

Как темнело, собаки опять завыли, залаяли и завизжали. Надо бы выйти, да побоялась. И вот рассвело. На рассвете вышла посмотреть: опять одна упряжка исчезла. И снова, пока солнце было высоко, дров наколола, воды натаскала, чай согрела, попила. Заперлась длинным ремнем.

И опять в то же время собаки залаяли и завизжали. И снова хотела выйти, да побоялась. К рассвету собаки лаяли все тише и тише, потом умолкли. Когда рассвело, вышла и посмотрела: собаки опять исчезли.

— О-о, да что же это такое?

Еще больше напугалась. И опять спешно приготовила еду, согрела чай и попила. Заперлась и сидела. Стемнело. Взяла три подушки своих мужей (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), положила на нары у своих ног. Подгнившее бревнышко одно у своих ног положила. Затем сняла люльку с ребенком с того ремня, на котором она висела, обмотала им край люльки. Села у огня, выходящего в сторону сопки. У них была одна сука. Вот уже темнело — сука залаяла и убежала.

И вот кто-то — слышно, что огромный — затопал, преследуя суку. Собака бегала вокруг дома. Потом, напротив окна у малых нар, видно, укусила того. Затем раздался визг, и все затихло. Чуть погодя послышался скрип снега — кто-то спускался. Вот подошел к двери, потянул. Ремень натянулся и вдруг оборвался. Входит огромный медведь. Идет вдоль нар и хрипит. Вот уже до ее ног дошел. Тогда она пнула гнилое бревнышко, сбросила (его). Стал злобно рычать и грызть бревно. Когда он поднял голову, (женщина) подушку пнула, сбросила (ее). Рыча, трепал подушку и изорвал. Еще одну пнула — сбросила. И третью тоже. И ту разорвал, рыча.

Когда он снова поднял голову, бросила ребенка. Бросая, ударила по окну, продырявила (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), вылезла и поднялась в амбар. Три бревнышка перед дверью сдвинула с места. В амбаре заперлась длинным ремнем. Немного погодя медведь пришел к амбару и

хотел подняться. Поднимется немного — вместе с бревном падает. Стал рычать и грызть бревно, снова полез и снова упал. И в третий раз упал. И остался под амбаром. И вот уже стало светать. Тогда он удалился.

А женщина стала ждать своих мужей. Когда солнце почти село, на той стороне что-то показалось. Рассмотрела, когда приблизился. Шел сам ее муж. Пришел. Когда он подошел, она сказала:

— Ой, горе, медведь наших собак и нашего ребенка съел. Поднимайся в амбар.

А муж говорит:

— Я страшно голодный, дай мне поесть немного.

— Ой, страшно, уже идет!

— А я голодный, ты последи, я зайду после.

Свое снаряжение снаружи оставил. А тот (медведь) уже наверху показался.

— Ой-ой, спускается уже!

Услышав голос, муж побежал. Не успел схватить оружие. Медведь подошел и повалил его. Схватил поперек туловища и унес. Потом снова вернулся. Спустился и оставался, пока не рассвело. Когда он ушел, она все смотрела на ту сторону. В то же самое время, когда вернулся муж, снова что-то показалось. Смотрит — средний брат. Пришел. Женщина, выйдя, сказала:

— Ой, поднимись в амбар. О, горе! Наши собаки, ребенок, твой брат — все убиты и съедены! Это медведь натворил.

— Я голоден, дай мне поесть.

— Да нет же, вот-вот появится.

— Ну, последи пока.

Она вышла, начала готовить. И вот уже медведь идет. Она позвала. И этот не успел схватить снаряжение (оружие). Опять боролись, медведь его свалил, схватил поперек туловища и унес. Потом вернулся и остался. Рассвело. Целый день оставался (т.е. пробыл). Она следила за ним в щель.

И опять, когда солнце садилось, на той стороне что-то черное показалось. Видно, что с ним идет собака. Когда приблизились, собака вперед побежала по берегу. Пока они поднимались с берега, медведь ее (собаку) увидел. А собака развернулась и побежала к своему хозяину. Медведь кинулся вдогонку. Собака приблизилась к хозяину и бросилась в другую сторону. А медведь напрямик к хозяину ринулся. Тот уколол копьем. Вытащил его и еще раз ударил. Убил медведя. Женщина в это время хватить топор и бегом, только полы развевались. Подбежала и между глаз медведю бах топором! Сама рубила и плакала. Мужчина смотрел на нее. Потом он ее остановил:

— Нельзя, хоть и обидно, зачем же так делать?

Тогда женщина перестала рубить. Пришли домой. Она обо всем рассказала:

— И собак, и ребенка, и твоих братьев — всех поубивал и сожрал.

Потом пошли осматривать место, где собак привязывали. От этого места шла вверх, в сопки широченная дорога. Мужчина поднялся по ней и посмотрел. Недалеко отошел. Там оказались в одном месте все: и собаки, и ребенок, и его братья. Затем он вернулся. Переночевали и разделали медведя. После этого увезли на нарте (здесь должно было быть примечание Г. А. От-аиной). Своих братьев и ребенка обернул медвежьей шкурой и похоронил. Собак положили на них. И стали жить. Что поделать, поженились.

Вот однажды муж говорит:

— Ты останься, а я пойду посмотрю ловушки на соболя.

Она ни в какую:

— Пойду с тобой, ни за что не останусь.

— Как же ты пойдешь, коли ты на лыжах ходить не умеешь?

— Все равно пойду, научи меня ходить на лыжах.

Встала она на лыжи, только шагнет — бух, падает. На следующий день снова учил ее. Учил, пока не стемнело. И на третий день учил ее. С каждым днем все лучше справлялась. И вот уже они отправились. Он шел, поджидая ее. Шли долго и пришли на место еще засветло. В своей охотничьей избушке в тот день заночевали. Наутро встали.

— Оставайся на месте, я пойду посмотрю ловушки. К полудню вернусь.

Жена согласилась. Муж ушел. Ловушки снял и в полдень вернулся. Подойдя к избушке, отряхивался — тишина. Из трубы даже дым не шел. Вошел, посмотрел — никого. Тогда он вышел обратно и поглядел. Увидел след женский вокруг избушки. Спустился к проруби и там нашел следы женские. Чуть подалее от проруби пошли два следа рядом и исчезли. Пошел в ту сторону, куда носки обуви повернуты были. Чуть подалее увидел, что женский след идет посередине, а по бокам — два мужских. Он повернул назад, пришел, поел. Потом за ними вдогонку отправился. Шел-шел и что-то увидел. Все шел и глядел. Оказалось, что это его жена, до того уставшая, что даже пена выступила у рта. Подошел к ней.

— Ты зачем сюда пришла?

— Твои братья меня увели. Увидев тебя, бросили меня и ушли.

— Ты побудь на месте, я отойду и посмотрю.

Шел-шел, пришел к одному (дому), а входа не видно. Вдруг дверь сама отворилась:

— Гость, входи.

Хотел взяться за дверь, а тот человек не дает:

— У меня под мышками пройди.

Он это исполнил. Дверь закрылась, и стало темно. А тот зовет:

— Сюда, сюда, гость.

И он пошел на голос.

— Садись, — и посадил его.

Там, внутри, кто-то громко стонал. Слегка забрезжило, он увидел, что сидит против переднего окна. А на нарах, обращенных к сопке¹, огромный старик, катаясь, стонал. На малых нарах — старик; на нарах, обращенных к воде² — двое, ребенок между ними в висячей люльке. Эти двое приподнялись, посмотрели на него и легли, укрывшись с головой. Один старик сказал:

— Везде ходил и где-то навредил; видно, люди ему отомстили, поэтому так стонет.

Тот, кто пригласил его, снял с полки чумашку³. Там было немножко мос⁴. Ложка-стружка (?) была воткнута. Его угощали так. Зачерпывает, ест, но еда не убывает. Принесли воды в чумашке, напоили его. Потом наш герой домой стал собираться. Старик с нар, обращенных к воде, говорит:

— Ну что, ты своих товарищей возьмешь?

— Возьму, конечно.

— Лохматых собак дам в придачу. Одну темно-серую, одну черную, одну белую и одну рыжую. Ты поведешь сердцем этих собак (?).

Он уже собрался идти. Тогда его старшие братья встали и оделись. Взяли ребенка и отправились. Вдруг заболел ребенок. Сердцем темно-серой собаки накормили. Потом старший брат заболел. Его накормили сердцем черной собаки. Средний брат заболел. Его накормили сердцем белой собаки. И он тоже поправился.

Дошли до своей жены. Пошли дальше, тут она заболела. Сердцем лохматой рыжей собаки накормили. Она поправилась. Наконец, добрались до своей охотничьей избышки. Приготовили и поели. После еды легли спать. Когда выпались и встали, его старшие братья и ребенок умерли. Их отнесли и похоронили. Со своей женой домой вернулись.

И богатыми были, и бедными жили. Да так и умерли. Всё.

¹ Очевидно, это пал эр на 'нары, расположенные направо от входа' (Нивхско-русский словарь 1970: 206).

² Очевидно, это тол эр на 'нары, расположенные с левой стороны от входа' (Нивхско-русский словарь 1970: 206).

³ Чумашка, чуман — «берестяной короб больших и малых размеров, используемый в качестве посуды и для некоторых хозяйственных потребностей» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 327, 328).

⁴ Мос 'студень, изготовленный из растертой рыбьей кожи, тюленьего жира, воды, ягод' (Крейнович 1973: 478).).

ТЫЛГУ 5

В старину из одной деревни в сезон охоты на нерпу вместе вышли охотиться три лодки, большие — с шестью гребцами. Поохотились и к вечеру две лодки вернулись в свою деревню, наполнив (свои) лодки добытой нерпой.

А одной лодки вс не было. Когда уже стемнело, старики вышли на берег моря и развели большой огонь, чтобы видно было издали. Все жители не спали, поджидая своих добытчиков.

Около полуночи задул вдруг верховой ветер, очень сильный. Долго-долго ждали своих, но не дождались. Ветер был сильный, а волна — большая.

Затем, когда ветер стих, старейшина созвал всех сильных людей. /В старые времена, когда он был молод, его никто не мог одолеть ни в чем. /

— Я сам буду править лодкой, поедем искать своих товарищей. Будет очень трудно, но искать надо.

И вот все сильные люди, шестеро (в оригинале здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной) отправились напрямик на ту сторону. Ехали, пока не стемнело. Когда прошло два дня и две ночи, добрались до маленького островка. Выбрались на островок, подтянули и вытащили лодку. Там стоял один громадный дом.

Пригляделись — лодка их товарищей была на берегу чуть повыше. Они ее сразу узнали. Никто из этого дома не выходил. Тогда старик (старейшина), их рулевой, сказал одному молодому и ловкому человеку, чтобы он поднялся к смотровому отверстию с саблей наготове.

— А я войду в дом. Остальные оставайтесь снаружи, возле двери. Если понадобится, я вам крикну.

Потом старик открыл дверь и вошел в дом. Войдя, сразу увидел, что огромный человек со смотрового отверстия упал прямо в огонь. Его голова покатилась по полу. Наш старик — старейшина — осмотрелся: на левой наре была женщина. Повыше нее — старик со старухой. Этот старик /злой людоед/ сказал:

— Я знаю, старейшина земли, за своих заступаясь, прибыл. Опустит и поставит свое копье, позови людей снаружи, спокойно вину обсудим. Мы виноваты, я сам знаю.

Тогда наш старейшина окликнул своих товарищей, стоявших снаружи:

— Входите!

Вошли четверо. Наш старейшина сказал:

— Пройдите спокойно и сядьте.

Поднял голову и сказал тому, кто был снаружи у смотрового отверстия:

— Спустишь и войди.

Когда все собрались, старик-милк¹ сказал:

¹ Милк 'злой дух, черт' (Крейнович 1973: 477).

— Самый старший мой сын в огне мертвый лежит.

Когда наши друзья огляделись, увидели много спальных мест. Милк-старик продолжает:

— Я знал, что вы приедете, предупредил своих детей, всех их отправил. Только старшего уговаривал, да не уговорил. Вы сейчас ему (перерезали) шею. Пройдите направо, посмотрите внизу в углу.

Наш старейшина прошел и увидел, что там одежда (их) друзей была: шапки, наушники, промысловые юбки, рукавицы, ноговицы, обувь — всё там лежало. Милк-старик продолжает:

— Мы их всех убили и съели. Сейчас вы, заступаясь за своих, пришли, не зря пришли. Если еще раз за разом вас убивать, и вы нас убьете, поэтому им (своим сыновьям) сказал, чтобы все ушли. Этот, которого вы убили, мой сын, сказал своим младшим (братьям):

— Уходите, их шестеро, я все равно их одолею.

Потом милк-старик сказал:

— Возьмите снаряжение своих товарищей, увезите (их?) и захороните в своей деревне.

Тогда милк-старуха сказала нашему старейшине:

— Хотя нашего сына убили, все равно заплатим виру (так в оригинале, нечто вроде штрафа), раз виноваты.

Милк-старик добавил:

— Много не берите (т.е. лишнего не берите), сами решайте, за смерть своих товарищей возьмите плату.

Посреди центральных нар ровно десять сундуков висело.

— Откройте эти сундуки, возьмите всяческие богатства, в каждом сундуке свой вид добра.

Одному нашему сказали:

— Опустите, откройте.

Посмотрели сундуки: один только саблями заполнен, другой — только парчой, еще один сундук — шелком, еще в одном — шубы из соболиных лапок.

Наши подошли, стали брать и грузить в лодку. Тогда старик-людоед опять сказал:

— Всё не забирайте, в каждом сундуке оставляйте понемногу. Если вы всё заберете, нас много, (к вам) придем сражаться.

Вот уже лодку загрузили. Перед тем как выехать в свою деревню, вернулись в дом покурить табак. Позади тех находящаяся молодая красивая женщина говорит:

— Я хоть и побаиваюсь вас, все равно скажу. Я тоже нивхская женщина, с тех пор как эти милки взяли меня, прошло уже ровно шесть лет. Не убивают меня, содержат. Меня держат, чтобы истребить морских охотников. Я не ем их еду, (они) ловят рыбу, бьют нерпу и кормят меня. Я свои котлы и свою посуду отделила, а они вот так убивают людей и их поедают. У меня на глазах одного

только убили, молодого человека. Он был тощий, его держали в этом доме, как медведя, на цепи. Ровно три месяца из-за того, что худой, как меня, кормили нерпой и рыбой. Потом, когда он поправился, его вывели и, не обращая внимания на его крики, убили. Затем разделали, сварили и съели. Пожалейте меня, возьмите меня с собой.

Наш старейшина отвечает:

— Бедная, как только я вошел и увидел тебя, сразу понял, что ты — нивхская женщина.

Они взяли ее с собой и привезли в деревню. Эта женщина сказала:

— Жалев меня, (дайте) мне месяц пожить, ведь я шесть лет у милков прожила, хочу их запах выбросить (здесь в оригинале перевода должно было быть примечание Г. А. Отаиной). Потом только пойду в вашу деревню, к людям, которые пожалели меня. Буду воду носить — их поить; всё, что в моих силах, буду делать.

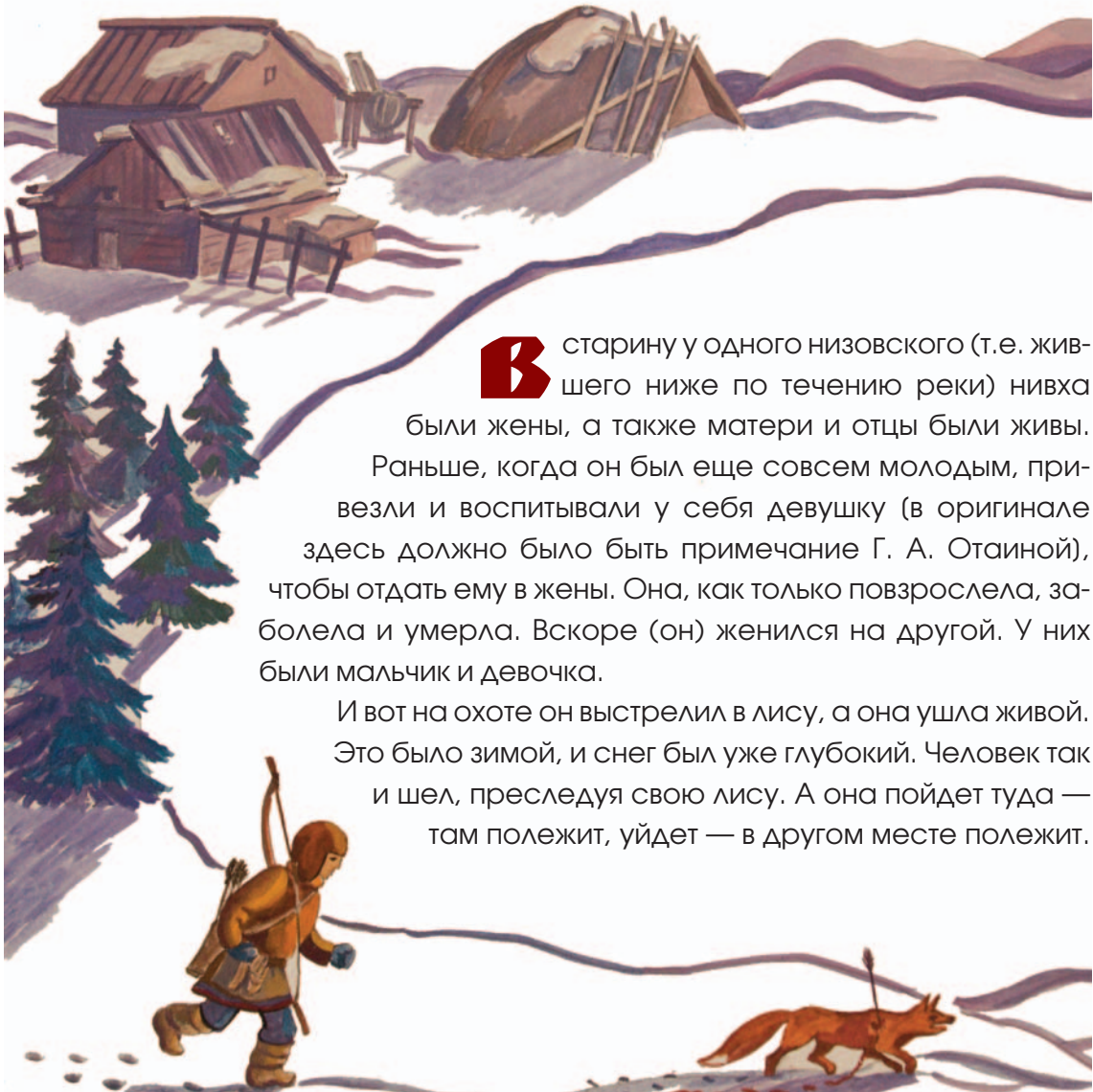
И на самом деле, соорудили ей маленький шалаш, поселили ее. Из своей деревни приносили еду и кормили ее.

А женщина изо дня в день, находясь в шалаше, еловые ветки жгла и «обдымлялась», багульник болотный жгла и «обдымлялась». Старики приходили взглянуть на нее, приносили еду (мос², ягоду). Потом, когда прошел месяц, ее отдали в жены самому молодому и неженатому из спасителей. Вот что люди рассказывают.

² Мос — студень, изготовленный из растертой рыбьей кожи, тюленьего жира, воды, ягод (Крейнович 1973: 478).

ТЫЛГУ 6

В старину у одного низовского (т.е. жившего ниже по течению реки) нивха были жены, а также матери и отцы были живы. Раньше, когда он был еще совсем молодым, привезли и воспитывали у себя девушку (в оригинале здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), чтобы отдать ему в жены. Она, как только повзрослела, заболела и умерла. Вскоре (он) женился на другой. У них были мальчик и девочка.

И вот на охоте он выстрелил в лису, а она ушла живой. Это было зимой, и снег был уже глубокий. Человек так и шел, преследуя свою лису. А она пойдет туда — там полежит, уйдет — в другом месте полежит.

А место, где она останавливалась, всё кровью залито. Долго лису преследовал. Разозлился и хотел ее во что бы то ни стало догнать. Так они ходили-ходили, и лиса вошла в нору. Истекала кровью. И человек в нору голову просунул, стал шарить рукой внутри норы. Лисы не было. Тогда он ползком пробрался в нору. Проникал все дальше в нору, она постепенно расширялась, когда он встал на колени, голова чуть-чуть задевала верхний край. Так он шел все дальше и дальше, а нора расширялась, потом встал в рост и пошагал. В норе было темно. Так и шел, не разбирая дня и ночи. И вот чуть-чуть забрезжило. Пошел дальше — еще светлее, и вот он пришел на красивую землю, где было лето.

Недавно появившаяся трава зеленела. Пришел к широкой реке. Там выпрыгивали большущие рыбы. Наш герой посидел на берегу, отдыхал, курил табак.

Запасов еды на дорогу не было, и он очень проголодался. Потом он встал и пошел по берегу реки. Ему навстречу два молодых человека шли с острогой, рыбу по пути кололи, добывая огромные рыбины. Поравнявшись с нашим героем, даже не заговорили, только между собой разговаривали. Мелкие рыбешки выкидывали, брали только крупные, чуть его не задевают. Наш герой решил:

— Коль со мной не разговаривают, пойду мимо них.

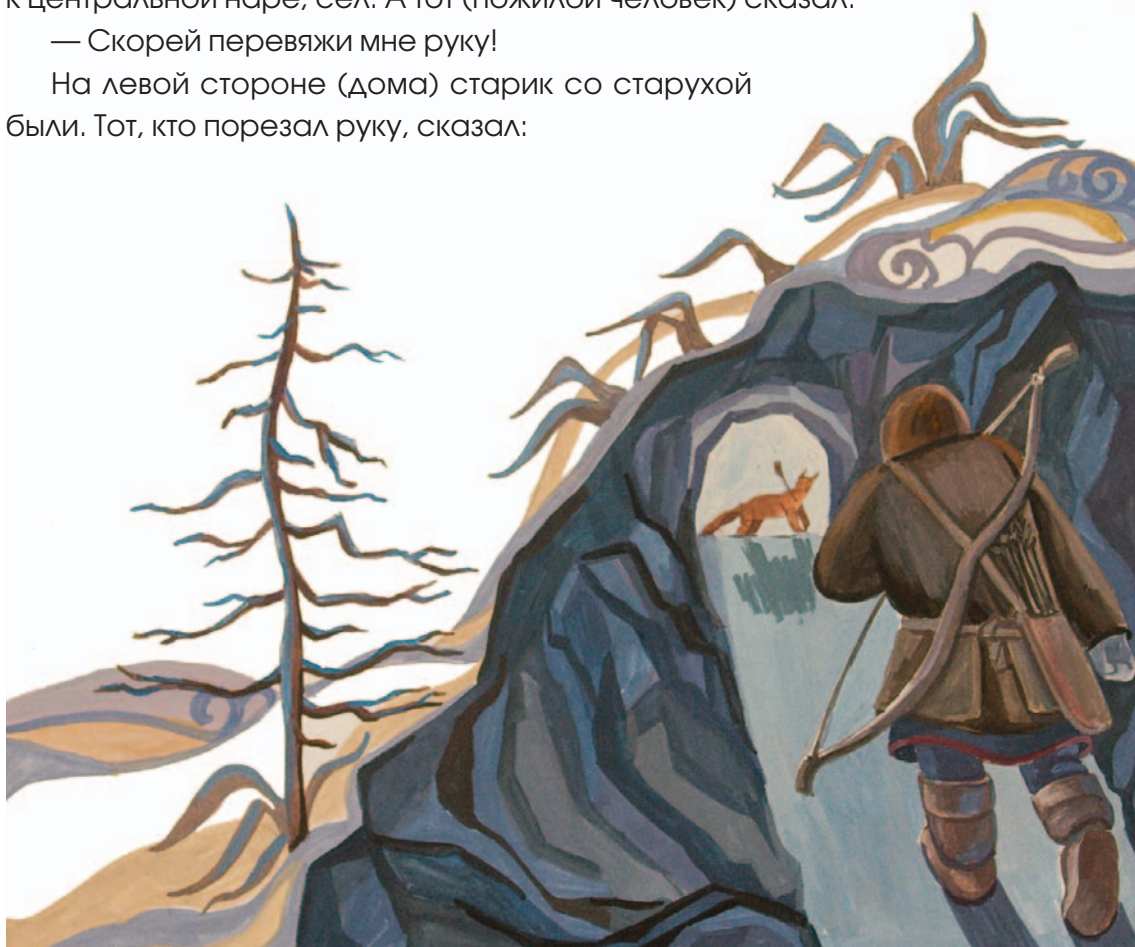
Шел-шел и увидел большую деревню, которая находилась на берегу реки. А домов-то как много! Много людей в деревне. Есть и женщины, и мужчины, и дети. Наш герой проходил мимо них. Шел-шел и остановился возле большого дома. Пожилой человек снаружи, под навесом, остановился. Наш герой сел возле него. А тот строгал себе, не заговаривая с нашим героем. Тогда он подумал:

— Как жители этой деревни живут, что даже с человеком не хотят поговорить?!

Тут он коснулся остроги, которую строгал (пожилой человек). Тот из-за этого порезал себе руку, брызнула кровь. Встал (пожилой человек) и побежал в свой дом, сел возле одной женщины. Наш герой вошел вслед за ним и, пройдя к центральной наре, сел. А тот (пожилой человек) сказал:

— Скорей перевяжи мне руку!

На левой стороне (дома) старик со старухой были. Тот, кто порезал руку, сказал:

— Я строгал, а острога наклонилась, и я порезал руку.

Наш герой посмотрел дальше — в нижний угол. Там оказалась его умершая невеста.

Ни один (человек) не разговаривал с нашим героем. Ох, как же наш герой проголодался! Пришли те, которые добывали рыбу, принесли ее. Вошли и сказали:

— Мы лишь отборную принесли.

Старики сказали:

— Женщины, пойдите и сварите рыбу.

Тогда его бывшая невеста и жена того, который порезал руку, вышли, раз-
делали и сварили рыбу. Сварив, занесли, поделили и ели. А нашего героя не
покормили. Тогда он вышел, подошел к вешалам³, снял юколу и поел. Ой, и
вкусная же была юкола!

После еды спустился к реке и попил. Потом снова вернулся в дом. Решил
ночевать, несмотря на то, что они не обращают на него внимания. Все уже по-
ужинали, постелили постели, спать собираются. Один молодой человек шел
мимо и, споткнувшись о ногу нашего героя, упал.

— На что ты наткнулся?

Поискали — не нашли. И вот уже все легли спать. Около полуночи, пораз-
мышляв, разозлился:

— Что это за люди?! Меня не угостили, со мной не разговаривают!

Пошел к своей жене (невесте) и лег возле нее. Протянул руку и обнял ее.
Она вдруг как застонала: «ы-ы». Приподнялась и села. Боль ее скрутила — она
села на край нары. Тут проснулись старики. Расспрашивают:

— Что случилось?

Женщина ответила:

³ Вешал — «приспособление для сушки чего-л.» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 40).

— Прямо во сне вдруг вс заболело, как будто опоясало кругом болью.
Наш герой, испугавшись, прошел к центральной наре. Старик один говорит:
— Скорей позовите шамана!

Женщина плакала, чуть не умирая от боли. Тогда один юноша вышел, отпра-
вился звать шамана. Вот уже его привели. Шаман начал камлать.

— Какого-то человека след в ваш дом привел.

Пошаманил еще и добавил:

— Когда наш друг острогу строгал, возле него сел. Стукнул по остроге, поэтому наш друг порезался.

Наш герой решил:

— Нет, лучше всего скорее уйти.

Шаман камлал до рассвета, уже светало.

Наш герой вышел из дома, на вешалах выбрал самую лучшую юколу и ушел. Шел, шел и вдруг видит, что два громадных оленя преследуют его, бьют

о землю копытами (здесь в оригинале должно было быть примечание Г. А. Отаиной). Наш герой побежал. Бежал, бежал и до своей норы добрался. Добежал и вошел. Шел в темноте. А те олени исчезли. Наш герой шел, шел, потом стало светло, он приблизился к своей земле. Выбрался из норы и вернулся в свою деревню. Развязал взятую юколу и обнаружил, что она оказалась вся гнилой. В это время уже была середина зимы. Позвал он домой всех друзей и рассказал обо всем.

— Да, действительно, тот свет существует.
Закончил рассказывать, лег и тут же умер.

(Здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной).

Комментарии А.М. Певнова:

Интересно сравнить этот нивхский текст (в переводе на русский язык), записанный Г. А. Отаиной, с улгу (так называется один из двух основных жанров негидальского фольклора), записанным М. М. Хасановой и А. М. Певновым 8 августа 1983 г. в с. Белоглинка Ульчского района Хабаровского края от негидальки Е. М. Бобик (Самандиной), род Айимкан. Перевод негидальского текста на русский язык приводится по работе (Мифы и сказки негидальцев 2003: 80-81):

*Жил один человек, сирота. У него была собака — сучка. (Даже) еды у них не было. Однажды его сучка совсем потерялась. Потом (не скоро) сучка вернулась — пузо полное, ела (где-то). Как-то раз притащила его сучка (откуда-то) заплесневелую жаренную на рожне рыбу. Тогда стал следить (букв.: следил) за своей сучкой, куда она идет, последовал за ней. Его сучка шла, так и шла (куда-то). И он шел за сучкой. Увидел: его сучка вошла в какую-то яму. Исчезла. И он пошел к той яме, и он вошел в ту яму. Темно-о... Видимо, (это) под землей (букв.: внутренность земли). Шел-шел и вышел на све-етлое место, тропа нормальная. Увидел: вот сколько на вешалах (рыбы) сушится, висит там; огонь горит. Вокруг того костра поджаривается рыба на рожнах. Туда-сюда ходят люди, беседуют между собой, никто к нему не обращается. Взял (мужчина) их рыбу (жарившуюся) на рожнах, целиком (взял) рожон. Посмотрел — и сучка его ест. Взял махой (второй пласт филе лососевых, который представлял собой нежное розовое филе; считался у негидальцев самым лакомым сортом вяленой продукции (Указ. соч., примечание **** на с. 175)). Потом его сучка отправилась обратно по той тропинке, по которой пришла. И он пошел назад вслед за своей сучкой. При возвращении взял свою сучку, снял пояс и к его концу привязал сучку, другой конец привязал к самому себе. Возвращался, следуя за сучкой. Дошли до темного места. По темноте возвращались. Вышли через ту (же) дыру, через которую раньше проникли. Взглянул (тут человек) на принесенные печенье на*

рожне рыбыны, на махой — (они) все заплесневели (считалось, что все каким-то образом доставленное из мира мертвых непригодно к употреблению на земле. Превращение доброкачественного в абсолютно негодное — главный признак иного мира, инобытия. Герой, видимо, хорошо это знал. Только увидев, что юкола заплесневела, он осознал, где побывал (Указ. соч., примечание ** на с. 176)). С тех пор (и стало) известно, что в мире мертвых есть люди.

Набранные в этом тексте петитом примечания сделаны М. М. Хасановой, ею же в этой же книге на с. 175-176 в подробном примечании высказываются следующие интересные соображения, имеющие прямое отношение к рассматриваемым здесь вариантам сюжета о посещении человеком мира мертвых:

«Мифы и мифологические рассказы о визите живого человека в мир мертвых до сих пор бытуют в фольклоре народов Приамурья. Попавший в «нижний мир» герой обычно не сразу догадывается о месте своего пребывания. Лишь знание о том, что «там» все наоборот, помогает ему понять, где он был. В данном тексте акцентируется внимание на том, что обитатели мира мертвых не слышат и не видят живых, прямое общение между теми и другими невозможно (ср. эвенкийские и кетские сюжеты, где говорится, что живого человека видит в нижнем мире только шаман; то же касается, по мнению эвенков, и верхнего мира; см. блок сравнения сюжетов). Пища «нижнего мира» не пригодна к употреблению в мире живых. Миф полностью соответствует представлениям народов Амура (и не только их) о полной противоположности двух миров — мира живых и мира мертвых. То, что годно для живых, не может быть использовано в мире мертвых и наоборот. Поэтому, например, все вещи, которые клали в гроб или оставляли на могиле, слегка портили (ломали, надрывали и т.п.). Тогда в «нижнем мире» они превратятся в полноценные.

Сходный нивхский миф дважды опубликован Е. А. Крейновичем (в 1929 г. и 1973 г.). Правда, в нем говорится об айнской семье, один из членов которой ходил в мир мертвых. Там он пытался вступить в контакт с умершими, но безуспешно. Принесенная им оттуда юкола оказалась корнем кислицы, а сам он через три дня после возвращения умер (Крейнович, 1929, с. 101-102; Крейнович, 1973, с. 374-376).

Как ни странно, очень близкий к нивхскому сюжет есть в якутском фольклоре. Отличие его состоит лишь в том, что герой (а он эвенк!) попадает в мир мертвых сам, без помощи собаки и не умирает после возвращения (Предания, легенды и мифы саха, № 50). С некоторыми оговорками этот текст можно было бы даже признать вариантом нивхского.

В негидальском и нивхском нарративах не вполне ясна роль сучки, которая не один раз посещает мир мертвых и хорошо знает дорогу туда и обратно. Не

исключено, что в основе этого мотива лежит вера нивхов и ульчей в переселение души умершего в собаку. До больших поминок к этой собаке относились, как к человеку. После поминок вселившаяся душа оставляет собаку и уходит в мир мертвых (Золотарев, 1939, с. 153-154).

Вообще же мифологические рассказы о посещении живым человеком мира мертвых распространены на территории всей Сибири (см. блок сравнительных сюжетов).

Для сравнения записанного Г. А. Отаиной нивхского сюжета о посещении человеком мира мертвых приведу целиком перевод на русский язык «предания», записанного Е. А. Крейновичем 28 сентября 1927 г. от нивха по имени Мурмур на Сахалине:

«Айнцев дом один был. Старик один, старуха одна, молодой человек один, молодая девушка одна — четверо человек жили. Одну сучку они имели. Вот зимою их сучка ушла. Долго ее не было. Потом пришла. Очень сытая пришла. Старик молодому человеку сказал: «Свою сучку (за повод) возьми, следом за ней пойди». Вот молодой человек свою сучку взял, следом за ней пошел. Долго шли. Потом его сучка в дыру (в земле) вошла. Он следом за ней вошел, шагая шел (отверстие было настолько широкое, что по нему можно было идти, не сгибаясь. — Е. К.). Долго шел. Темно. Потом светло стало. По земле подобно этой он шел. Долго шел, к речке одной пришел. Отсюда вниз по течению у самого края воды пошел. (Шел и увидел), один человек на этой стороне реки находится, другой человек на той стороне реки находится. Острогой ч'эвл рыбу ловят. Рыбу колющие люди молодого человека совсем не видят — мертвые люди оказывается. Молодой человек острогу тронул. Тот человек после этого рыбу колоть не смог. Тот человек молодого человека все еще не видит. Человек, находившийся на том берегу, рыбу уколол, убил. «Ты почему рыбу не добываешь?» — спросил. Человек, находившийся на этой стороне, ему сказал: «Неудобно что-то стало». Человек, находившийся на той стороне, сказал: «Ни коряг, ничего в реке нет. Отчего тебе неудобно стало?». Человек, находившийся на той стороне, засмеялся.

Молодой человек дальше вниз по реке пошел. Долго шел, до большой деревни дошел. Айнская деревня. В ней много кетовой юколы вялится. Женщины на помосте сидят, рыбу чистят.

Сучка, в сени большого жилища войдя, легла. Молодой человек тут ее привязал. Потом в жилище вошел. В нем много людей было. Эти люди его не видят. Молодой человек на поперечную нару прошел, сел, смотрел. Видит, глубокая старуха держит в руках одного маленького ребенка (в селении мертвых родившегося ребенка). На нижнем краю нары очень красивая женщина сидит.

Вот стемнело. Молодой человек, на поперечной наре находясь, лег спать. Люди долго уже спали. Тогда молодой человек поднялся, к красивой женщине

пошел, чтобы взять ее пошел. Молодой человек край женской одежды приподнял, тогда та женщина: «Ика! Ика! Ика!» — закричала. Молодой человек на свое место пошел, лег. Все люди проснулись, поднялись, огонь разожгли, лекарство нашли, приготовили, этой женщине дали выпить. Она уснула. Люди все тоже уснули.

Молодой человек встал, опять к той женщине пошел, край женской одежды приподнял. Та женщина опять: «Ика, ика, ика, я умираю» — закричала. Молодой человек на свое место пошел, лег. Все люди в жилище опять поднялись, огонь зажгли, лекарство сделали, той женщине дали. Она уснула. Молодого человека они не видят. Он подумал: «Если умру, возьму ее, если живой буду, не возьму».

Молодой человек из жилища вышел, сучку отвязал, к вешалам с юколой пошел. Две большущих юколы взял, за пазуху положил. Свою сучку держа, возвратился обратно. Долго шел, к темному месту пришел. Шел, шел, когда светло стало, вышел. В свою деревню возвратился. Своему отцу о новостях рассказал. Потом взятую юколу отцу захотел показать. Тогда юколу вытаскивать стал, но другое... корень кислицы вытащил. Юколы не было.

Молодой человек отцу сказал: «Три дня я спать буду. Ты дорогое все вытащи». Молодой человек три дня спал. Отец все дорогие вещи вытащил. Потом он проснулся, сказал: «Одну из дорогих вещей мне дай. Если я уйду, то что-либо рыбу ли, тюленя ли я сам добуду. Если я уйду, вы, дорогие вещи продавая, ешьте, живите». В полдень этот молодой человек умер. Старик один, старуха одна, женщина одна втроем жили. Молодого человека они сожгли (букв.: «выбросили», «потеряли». — Е. К.). Всё» (Крейнович 1973: 374-376).

Из трех вариантов мифа о посещении человеком мира мертвых наиболее сжатым, кратким, «редуцированным» является записанный нами с М. М. Хасановой негидальский вариант.

Оба нивхских варианта (Е. А. Крейновича и Г. А. Отаиной) содержат немалое количество любопытных деталей, в них не два действующих персонажа (человек и собака), как в негидальском варианте, а существенно больше. Нивхские тексты не только значительно полнее негидальского, они несравненно ярче, более образные и в каком-то смысле даже художественные, они производят в силу всего этого глубокое впечатление на слушающего.

В то же время негидальский вариант благодаря своей лаконичности в значительно большей степени отвечает канонам мифа.

Можно было бы думать, что тот из двух нивхских вариантов, который был записан примерно на полвека раньше другого, должен быть более подробным и красочным. На самом деле это не так: вариант, записанный Г. А. Отаиной, во всяком случае, не уступает в этом отношении варианту Е. А. Крейновича.

Исключительно интересно и важно, что в варианте Г. А. Отаиной в мир мертвых человек попадает, преследуя раненную им лису (у Е. А. Крейновича и в негидальском мифе человек идет за своей собакой, причем в обоих случаях за сучкой, что, конечно же, не случайно).

В варианте Г. А. Отаиной есть отсутствующий в варианте Е. А. Крейновича эпизод с пожилым человеком, строгавшим острогу и оказавшемся раненным из-за того, что человек «этого мира» коснулся этой остроги. Кстати, в этом варианте это уже второе упоминание крови — в первом случае, в самом начале мифологического рассказа, раненная человеком лиса истекала кровью, оставляя после себя на снегу кровавый след в том месте, где она какое-то время лежала, чтобы собраться с силами и идти дальше, как потом оказалось, в мир мертвых.

В варианте Г. А. Отаиной герой встречает в мире мертвых не просто красивую женщину, которой он пытался овладеть, но свою покойную невесту, с которой он тоже попытался (но безуспешно) войти в интимные отношения, когда обитатели дома все заснули.

В варианте Г. А. Отаиной есть забавный момент — какой-то молодой человек прямо в жилище споткнулся о ногу невидимого «там» представителя нашего мира и упал.

В варианте Г. А. Отаиной позвали шамана, чтобы он покамлал и тем самым помог «пострадавшей» бывшей невесте героя, а заодно и объяснил бы свидетелям, что же такое происходит в этом доме.

В варианте Г. А. Отаиной в самом конце повествования, когда «наш герой» уже направляется домой, в сторону выхода из мира мертвых, «два громадных оленя преследуют его, бьют о землю копытами». Это очень странное и совершенно необъяснимое появление гигантских враждебно настроенных по отношению к герою оленей.

Если говорить о варианте Е. А. Крейновича, то удивляет прежде всего национальная принадлежность всех участников события: все они не нивхи, а айны, то есть и представители «этого мира» айны, и обитатели «того мира» — тоже айны.

Сильное впечатление производит такая удивительная фраза в переводе записанного Е. А. Крейновичем мифологического рассказа о посещении человеком «отсюда» мира мертвых: «... глубокая старуха держит в руках одного маленького ребенка, — в селении мертвых родившегося ребенка» (подчеркнуто мной. — А. П.).

ТЫЛГУ 7

Была одна большая деревня. Из нее каждый год зимой уходили соболевать (охотиться на соболя). В этот год отправились двенадцать человек. Перед уходом они указали срок возвращения — через полтора месяца. Они ушли.

Назначенный срок миновал, и уже прошло два месяца. Когда они уходили, только-только выпал снег. И когда прошел срок, другие — пять человек — отправились искать их. Они должны были вернуться дней через десять. Вот настала пора их возвращения.

В той деревне был могучий человек, подобный Храброму воину. Он передал в другую деревню своему зятю:

— Приезжай, что-то случилось, время возвращения людей миновало, а люди не вернулись, пойдем вместе.

На другой день зять появился как следует вооруженный. Переночевали. Решили отправиться на другой день. И вот на завтра, рано утром апак¹ взял стрелы и копья и они отправились.

Две собаки тащили нарту. Далеко ли, близко ли поднимаясь, шли и шли, переваливая через хребты, пересекая марь за марью. Они добрались до охотничьей избушки. Тогда нашли собак пропавших охотников, все они оказались мертвыми и замерзшими. Вход в избушку был прикрыт. Открыли вход и вошли. Пришедшие увидели, что все люди лежат мертвые, тела целые, только вокруг рта была видна кровь. Стали они думать, почему же рты в крови. Подошли и заглянули в открытый рот: языка нет вообще, заглянули глубже — вырвано сердце.

Зять быстро принес воды, ее согрели. Приготовили сыроватую юколу, то ли варили, то ли поджарили, перекусили. Потом хорошо закрепили дверь. Зять расположился в глубине избушки, а апак — возле двери.

Уже стемнело. Зять уселся позади апака и приготовился. А апак возле самой двери будучи, приготовил стрелу с тремя зубцами. И зять с такой же стрелой.

Когда совсем стемнело, их собаки глухо пролаяли по одному разу. Потом что-то в реке заплескалось, потом раздались шаги: «топ-топ». Тут зять сильно засуетился. Апак проверил сам себя: всё в порядке. И вот кто-то, потопав возле избушки, приоткрыл ее: ого-го, какой большой!

Наш герой (кто из них?) произнес заклинание:

— О стрела, попади в хорошее место!

Натянул лук и выстрелил. Раздался шум-гром, и всё исчезло. Вскоре вода заплескалась, и стало тихо. Тут зять вскочил:

¹ Апак 'тесть' (Нивхско-русский словарь 1970: 34).

— Где, где?

Тогда апак сказал:

— Не знаю, что на самом деле, но когда дверь приоткрылась, одной стрелой выстрелили. Потом зашумело в воде и всё исчезло.

Они переночевали и встали. Увидели, что кровавый след обрывался у реки. Стали думать:

— Да, видно, обогнул реку и ушел.

Зять сказал:

— Теперь-то дай мне постараться, а ты отдохни и понаблюдай за мной.

На берегу лежало толстенное упавшее дерево, а под ним зияла дыра. Оттуда раздавался стон. А зять шлепнулся — упал, апак оставил его и ушел. Подошел и прислушался. Тот дух говорит:

— Если бы обычная стрела была, вытащил бы и поубивал бы их, а раз трехзубцовая стрела, не вытащишь.

И умолк.

Подошел и заколол его. Послышался стон, и всё стихло.

Вытащил табак и, когда докуривал, пошатываясь, подошел зять:

— Где?

Вернулись, приготовили еду. Проверили своих собак — они все мертвые.

У тех людей, которые пришли первыми, взяли топор и пошли. Придя на место, стали рубить дерево, зять рубил очень проворно.

Потом стали вытаскивать /злого духа/, дергая как попало. И увидели: вверх от подмышек — тигр, вниз от подмышек — человек.

Вытащили. Зять, засучив рукава, стал рубить. Разрубили, уложили и потом сожгли.

После этого отправились домой, взяв с собой двух покойников. В деревне обо всем рассказали. На собаках поехали за покойниками и в своей деревне их похоронили /предали огню/. Так рассказывают о злом духе — наполовину тигре, наполовину человеке, который (дух этот) изводил охотившихся на соболя людей.

ТЫЛГУР 8

В старину наш руйвинский род (он жил в деревне Руи) называл себя руйвингами. Это была большая деревня, богатая рыбой и морским зверем. Одна женщина имела шестерых детей, шестерых мальчиков. Ее дед сказал как-то:

— Если бы каким-то чудом дети моей невестки быстро повзрослели и сразились со своим медведем-милком¹, какое это было бы счастье!

И вот, когда они возмужали, позвали одного чужеродца (в оригинале здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), и семеро отправились по речке Руи. Пришли и заготовили ровно шесть кучек дров, накололи, перетаскали. Затем вернулись в деревню и месяц отдыхали.

Затем все семеро взяли запас еды, луки и копья. Придя на место, готовили ужин и разожгли шесть костров. Когда огонь разгорелся, они собрались поесть, всякие разные духи того медведя, вымазавшего (себя?) глиной, подлетали к огню, падали и умирали. Некоторые прилетали и садились на колени людям. А они, свернув им шею, клали под свою подстилку и садились на них.

И вот их хозяин, глиной вымазавший себя медведь, с таким шумом приближался, что земля дрожала.

Тогда наши руйвинцы встали и приготавились. Засучили рукава, каждый остался в одной рубашке. Приготавились: взяли копья и луки, подошли к краю огня. В это время чужеродец, идя вдоль костров, стал зажигать огни (?). Медведь, вымазавшийся глиной, подошел к огню, вошел в него и стал валяться, чтобы погасить. Не погасив одного, пошел к другому огню. Когда они посмотрели на чужеродца, тот упал без сознания. Тогда они громким голосом его окликнули, закричали, подняли его и, как костяшку, перекидывали друг другу на лету, не давая ему удариться о землю. Потом его опустили и поставили на землю.

И их чужеродец после этого стал крепок сердцем, как его апаки², снова пошел вдоль костров, зажигая их. Апаки своими копьями били медведя под мышкой. Они к концу палок подвязали ветки с листьями, опускали это в воду и смачивали под мышками, чтобы размякла глина. А потом кололи под мышками. И когда там появилась кожа, кололи, кололи и убили его.

Их жены в это время у себя в деревне не спали ни днем, ни ночью, ходили туда-сюда и вовсю веселились (судя по оригиналу, здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной).

— Теперь сала поедим толщиной до колена, вот радость-то!

¹ Милк 'злой дух, черт' (Крейнович 1973: 477).

² Апак 'тесть' (Нивхско-русский словарь 1970: 34).

А мужья в это время соорудили лабаз, сложили туда мясо и вернулись в деревню. Как только выпал снег и появилась дорога для собачьих нарт, поехали на упряжках и перевезли мясо. Жители деревни провели эту зиму не голодая, питаясь этим мясом до самого прихода рыбы. Так рассказывают люди. Теперь руйвинцы не сражаются с медведем, поэтому все вымирают, все исчезают с лица земли.

ТЫЛГУР 9

В старину в одной деревне жил бедный человек. У него не было ничего, и жены не было — невезучий человек. Когда промышлял лесную добычу, ничего не добывал. Промышлял морскую добычу — ничего не добывал, невезучий человек.

И вот однажды он пошел в тайгу, сделал шалаш и стал соболевать (охотиться на соболя). Пошел проверять ловушки — все были захлопнуты, ни один зверь не попался. Так вот и жил.

Однажды ночью около полуночи луны не было, было темно. И в это время за его охотничьим шалашом что-то упало и стукнулось. Даже земля дрогнула — что-то тяжелое упало. Тогда наш герой зажег бересту и вышел посмотреть: огромный мешок из рыбьей кожи. Он развязал завязки на мешке и глянул, а там — покойник. Он уже весь разлагался, в носу полно толстых червей. Наш герой проговорил:

— Бедный человек! Откуда какой злой милк (злой дух, черт) тебя принес и опустил за моим шалашом? Сейчас темно, раз ты такой же человек, похороню тебя завтра. Как смогу. Вокруг него очертил снег.

Утром рано вышел, взял топор и, чтобы похоронить своего товарища (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), пошел и срубил деревья, нарубил еловых веток. Хотел покойника предать огню. Подошел и развязал мешок. А покойника не оказалось. Там были различные меха, каждый мех в отдельной связке!

Так нашего героя нашла удача: Горный человек (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной) пожалел (его) и дал ему все это. Меха те он продал и стал лучшим человеком: и таежного зверя добывал, и морского зверя добывал, обзавелся женой и ребенком.

ТЫЛГУ 10

(опубликовано в EMIIS только в переводе на русский язык, с. 173-174)

Жили два брата. А там, подальше от них, был остров. Вот они, сговорившись, утром отправились туда, каждый на своей берестяной лодке. Плыли-плыли и в верхней части острова (очевидно, находящейся выше по течению) пристали недалеко друг от друга. Договорились так: старший со стороны деревни объедет остров, а младший — с другой стороны.

— Если ты раньше до нижней части острова доберешься, то подождешь меня. Если я раньше тебя доберусь — тебя подожду. Там тогда и пристанем к берегу.

И вот каждый со своего места двинулся вниз по течению. Плыли, плыли, младший брат добрался до нижней части острова, а старшего все еще нет. /По пути они били острогой рыбу, пока не стемнело/. И стал он ждать старшего брата, солнце уже почти закатилось.

— Солнце вот-вот сядет, отправлюсь-ка я в его сторону, почему он так задержался?

И отправился. Плыл, плыл и недалеко от нижней части острова нашел лодку брата, приставшую к берегу. Посмотрел, а брат в лодке мертвый, ни одной пойманной рыбы нет. Солнце село. Что же делать? /Младший/ лодку своего брата слегка потянул, подошел и сел рядом; сорвал прутик, впереди себя его воткнул, взял острогу и приготовился /караулить злого духа/¹.

Как только чуть стемнело, со стороны деревни орел прилетел. Видит (младший брат): /сначала/ поверху летел, близко от них, голову наклонив, потом понизу полетел и сел на нос лодки. Вот поворачивая и наклоняя голову туда-сюда, стал осматривать. И вот уже — скок — на грудь (младшему брату) прыгнул. Как только нагнулся, младший брат со всего маху швырнул острогу — попал. Стали тянуть друг у друга, веревка остроги — ксах!² — порвалась, орел рванулся туда, откуда прилетел.

И когда он исчез из виду, младший уложил брата как полагается, привязал его лодку к своей и поплыл. Привез брата и похоронил.

На другой день в соседнем доме почему-то суетятся — то выходят, то заходят. Тогда он тоже туда пошел. Когда подошел, видит, что шаман камлает, люди снуют туда-сюда. И вот он вошел, шаман-сосед стонет вовсю, а другой шаман камлает рядом. Посмотрел — а острога торчит из груди больного! Тогда младший брат подошел и выдернул свою острогу: «Так-то будет лучше!» — сказал.

Тот шаман умер, а брат вернулся домой с острогой. Все промолчали, что тут скажешь?

¹ Младший брат сразу понял, что брат был убит злым духом. Прутик ставится как оберег (примечание Г. А. Отаиной).

² Ксах — образное слово, обозначающее звук при обрыве ремня, веревки, струны (примечание Г. А. Отаиной).

ТЫЛГУ 11

(опубликовано в EMI5 только в переводе на русский язык, с. 172-173)

Авое отправились промышлять нерпу и еще что придется. Один — молодой, недавно женившийся, другой — пожилой.

Когда стемнело, пристали к берегу и под высокой елью развели огонь. Вдруг с верховьев — мах-мах — на их ель кто-то уселся:

— О-о, как я устал.

А затем и с низовьев — мах-мах — тоже прилетел и бухнулся:

— Приятель, давно ли ты сюда добрался?

— Да.

Прилетевший с низовьев спрашивает:

— Ну что, отметил ты их?

А тот отвечает:

— Нет, я еще не отметил.

Прибывший с верховьев сказал:

— Отметь.

Тот отметил что-то.

— Ну что, ты отметил?

— Да, отметил.

— Как отметил?

Тот отвечает:

— Когда пожилой вернется домой, оленье мясо сварят и поедят. Его ребенок, единственный мальчик, подавится и умрет.

— А молодой?

— Молодого, когда вернется домой, убьют, жену заберут.

Затем каждый улетел в свою сторону.

Пожилой спросил у молодого товарища:

— Кто это такие и о чем они говорили?

Молодой в ответ:

— Не знаю, не понимаю, о чем говорили.

Несколько дней охотились и рыбачили, затем вернулись домой. Много ли, мало ли жили, и вот до пожилого дошла весть: его товарищ убит. Тогда пожилой испугался, подумал и сказал жене:

— Когда варишь мясо и ребенка кормишь, мелко-мелко режь мясо.

Через несколько дней варили и ели мясо. Очень хорошо нарезанным мясом кормили ребенка, но он подавился и умер. Пожилой человек подумал:

— То были посланцы¹ (главного духа-хозяина, главного божества нивхов), нивхов отмечали. Всё.

¹ В этом тексте отражена вера в единого бога-хозяина (Кур), а летающие чудища – его посланцы, которые каждому смертному отмеряют его судьбу (примечание Г. А. Отаиной). Кур '1) мир, мироздание, вселенная, космос; бог, божество' (Нивхско-русский словарь 1970: 124).

ЛЕБЕДИ 12

(такое название дано в оригинале этому тылгу на русском языке)

В старину жили муж с женой. У них был маленький ребенок, девочка. Муж каждый день ловил рыбу и охотился. Пойдет в сопки — приходит с добычей, пойдет к воде — приносит рыбу. Его жена была очень трудолюбивая. Всё, что он приносил, она обрабатывала: что-то сушила, что-то варила, а что-то жарила. А шила-то как! Ее муж был всегда богато одет.

Их дочка еще была мала. Она целыми днями зимой каталась на санках. Домой приходила, когда замерзнет. Мать сразу меняла ей одежду и кормила горячим. Летом она пропадала целыми днями на улице. Она любила на берегу играть «в песочек». Проголодавшись, приходила домой, ела и снова выходила на улицу.

Весной перелетные птицы летели над ее головой. Когда они спускались и садились поблизости, она оставалась и наблюдала. Мать и отец говорили:

— Прилетевшие птицы устали, не гони их. Они голодные и усталые садятся к нам отдохнуть.

Девочка так и наблюдала за ними, и они привыкали к ней. Птицы и звери садились около нее. Она видела всяких животных. Красивей всех считала лебедей: пух у них белый, а шея — длинная. У них есть вожак. Они хорошо его слушаются.

К осени все птицы, отдохнув возле них, улетали в теплые края.

Так они жили-поживали, и у них заболела мать. А мужу когда теперь ловить рыбу? Когда охотиться? Заготовленную рыбу всю съели, мясо тоже. Одежда и обувь, сшитые женой, порвались. Жена сказала:

— После моей смерти возьми другую жену. Как же вы будете жить? Кто вам будет готовить и шить? Ребенок еще мал.

Женщина, промучившись, умерла. Что поделать? Беда без жены. И этот человек съездил в дальнюю деревню за женой. Какая женщина! Глаза красивые, лицо белое, высокий рост. А косы длинные! Когда она садилась, за спиной будто собака лежала — такие волосы¹. Богатая была к тому же. В ушах — серьги, халаты подвесками бренчали. В несколько халатов наряжена.

Мужчина, с тех пор как привез новую жену, не обращал внимания на дочь. Новая жена невзлюбила девочку. Никогда не кормила ее. Не разговаривала. Даже не глядела! Девочка поиграет и зайдет поесть — есть нечего. Ничего нет. Эта женщина подолгу спала. Проснется и долго сидит в постели. Потом сойдет с нар, едва протрет глаза, возьмет готовую юколу. Нарезет и съест. Закончив, вс уберет.

¹ Любопытная характеристика красивой женщины, удивительнее всего сказано про ее густые длинные волосы: «Когда она садилась, за спиной будто собака лежала — такие волосы». Следует отметить, что лицо у нивской красавицы белое, а рост высокий.

Однажды девочка вошла, когда она ела юколу. Прошла и села рядом. Новая мать даже не посмотрела. Она (девочка) потихоньку придвинулась к ней. Приблизилась к столику и стала смотреть, как женщина ест. А женщина хоть бы что, даже не глянула. Девочка потихоньку протянула руку за кусочком юколы — (мачеха) ножом ударила (ее) по рукам. Руки стали истекать кровью. С плачем она вышла на улицу. Громко плача, пришла на берег. В это время прилетели лебеди. Их вожак уже сел. Услышав плач девочки, снова поднялись и стали кружить над ее головой.

Девочка сказала:

— Лебеди, возьмите меня! Лебеди, возьмите! Моя мать умерла. Я — сирота. Посмотрите на мои руки — они в крови. Моя новая мать ножом порезала. Она не кормит меня. Посмотрите на одежду — она болтается. Отец хоть и рядом, не видит меня! Лебеди, пожалейте меня, возьмите!

И вот лебеди опустились, схватили (ее) за руки и подняли. Когда они поднялись и полетели, отец вернулся с сопки (из леса). Увидел дочку, подбежал, поднял руки и закричал громко:

— Дочка, спустись, вернись ко мне! Лебеди, отдайте мою дочку.

Дочка ответила:

— Отец, мне больно, я обиделась! Я не спущусь к тебе. Я улечу с лебедями. Они пожалели меня.

Лебеди с девочкой улетели над мужчиной. И вот руки девочки превратились в крылья, вырос хвост, так с лебедями летела и исчезла из виду.

Тот мужчина днем и ночью стал плакать о дочке. Не охотился и не ловил рыбу. И вот настала осень. Осенью много лебедей пролетало.

Мужчина вышел, раскинул в разные стороны руки и сказал лебедям:

— Лебеди, лебеди, верните мне дочь. Я буду хорошо за ней ухаживать.

Лебеди ответили:

— Твоей дочери нет среди нас, посредине летящие знают.

Он долго стоял, ждал в середине летящих. Когда они прилетели, опять протянул руки и сказал:

— Средние, средние, верните мне дочь! Я буду хорошо за ней ухаживать.

Средние ответили:

— Твоей дочери нет среди нас. Знают последние летящие.

Мужчина забежал домой, наполнил водой берестяную посуду и котлы. Скоро лебеди опустились и стали пить. Вожак их торопил, они быстро поднялись. Мужчина заплакал:

— Дочка, дочка, вернись ко мне! Не бросай меня!

Маленький лебедь, вокруг него летая, сказал:

— Отец, я не вернусь домой. Кых-кых!² Отец, я обиделась! Кых-кых! Отец, мои руки болят! Кых-кых!

² Кыхкых 'лебедь' (Нивхско-русский словарь 1970: 127).

Его дочь плакала:

— Кых-ких.

Подружки-лебеди плакали вместе с ней:

— Кых-ких, кых-ких.

Вокруг мужчины летали с плачем, потом улетели. А мужчина остался на берегу с протянутыми руками и превратился в лиственницу. Хорошенько посмотрите на отдельно растущую лиственницу. Ветки дерева протянутым рукам подобны.

А лебеди с тех пор, хоть плачут, хоть радуются, кричат одинаково:

— Кых-ких, кых-ких.

Поэтому нивхи их называли «кихких». Когда лебеди летят, нивхи ставят для них воду.

Комментарии А.М. Певнова:

Вариант этого мифа, правда, с большим количеством отличий, записан нами с М. М. Хасановой под диктовку по-негидальски 6 июля 1991 г. в с. Маго Николаевского-на-Амуре района Хабаровского края от негидалки Доры Леонтьевны Кини (64 лет, род Чомохогил). Имеет смысл привести записанный нами миф в переводе на русский язык полностью, чтобы читатель сам мог убедиться в том, насколько могут отличаться детали одного и того же сюжета. Текст вместе с примечаниями, сделанными М. М. Хасановой, приводится по книге (Мифы и сказки негидальцев 2003: 79-80).

Пошел Конгардуккан(-малыш) вместе с матерью в тайгу к лабазу (к амбару на сваях). Его мать поднялась на лабаз, полезла за продуктами. Конгардуккан последовал за матерью. Взяла его мать юколу-нгалама (самый верхний слой филе лососевых рыб, разделяваемых для вяления), (а) Конгардуккан говорит: «Мам, и мне дай нгаламы!». Мать отвечает: «Дома поешь!». Взяла его мать юколу-махой (второй пласт филе лососевых рыб), положила, (чтобы нести домой). Конгардуккан говорит: «Отломи и мне (юколы)!». Мать отвечает: «Дома поешь!». Налила его мать из емкости из рыбьей кожи жир в ведро: «Мам, дай и мне жиру!». Мать отвечает: «Дома поешь». (Вредная была женщина — примечание рассказчицы по-негидальски.) Когда мать брала другие продукты, ее сын, обидевшись, слез (с лабаза). Вот. Пошел и, не заходя домой, спустился к озеру. Встал там у уреза воды (и) плачет. Рядом с ним кружатся утки. Одна уточка говорит: «Чего плачешь, Конгардуккан?». «Мама не дает мне юколы-махой, рыбьего жиру, юколы-нгалама, чего ни попрошу — не дает. И я бы отправился с вами, если бы у меня ноги были такие, как у вас, (а) руки были наподобие ваших крыльев», — говорит Конгардуккан. «(Так) за чем же дело стало (букв.: что будет-то)? Я дам тебе вместо ног утиные лапы, (а) вместо рук — утиные крылья (букв.:

ноги для тебя — утиные ноги, руки для тебя — утиные крылья). Ну, полетели с нами!». И утка закружилась около Конгардуккана. Ноги Конгардуккана стали утиными лапами, руки стали утиными крыльями, уточка говорит: «Ну, полетим!».

(А) мать вернулась домой: нигде нет ее сына. И на дэлкэн (помост на столбах, где хранились припасы или вещи) ходила — на дэлкэне тоже (его) нет. «Сынок, Конгпрду, где ты?». Через некоторое время слышит, что над ней раздается (букв.: кричит) голос сына: «Мам, ма-ам!». Мать посмотрела вверх: Конгпрдуккан летает над матерью, (а) ноги-то у него — утиные лапы, и руки — утиные крылья, и нос — утиный нос. «Сынок, вернись, верни-ись домой! На-на, иди пососи мою грудь!». Конгардуккан отвечает: «Нет-нет, мама! И ноги мои стали утиными, и руки стали утиными крыльями, (я) полетел с утками!». Так (и) улетел Конгардуккан с утками.

Варианты этих мифов (правда, также в немалой степени отличающиеся от только что приведенных) имеются, согласно М. М. Хасановой, в фольклоре нанайцев, эвенков, эвенов. У эвенков, например, речь идет о девочке, которую муж-остяк заставлял непрерывно носить воду; девочка просит птиц-гаша забрать ее, и те дают ей перья (Мифы и сказки негидальцев 2003: 173-174). В эвенской сказке, которую опубликовала К. А. Новикова, говорится об утках, забравших девочку, над которой издевался старик; девочка впоследствии сама стала уткой (Мифы и сказки негидальцев 2003: 174).

ТЫЛГУ 13

(опубликовано в ЕМIS на нивхском языке с переводом на русский, с. 179-185)

Давным-давно в одной деревне жила старуха¹ с одним лишь сыном. Он только что возмужал. Уже много времени прошло, как умер ее старик (т.е. муж). Так вдвоем с сыном и жили. У этой старухи было много братьев — и в нижней, и в верхней (вероятно, в нижней и в верхней по течению реки частях деревни). Каждый день они брали с собой ее сына (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной) и ловили рыбу. Апаки² ловили рыбы много-много. Ему (сыну

старухи) давали только две рыбины, лишнего не хотели давать, выбирали рыбу помельче и отдавали. А сами юколы заготавливали полные вешала³. Наш юноша поэтому на зиму запасов еды не имел. Каждый день брали с собой рыбачить, лишь по две забракованные рыбы давали, больше не хотели давать.

Однажды, когда наловили рыбы, ему отдали самца и самку. На ужин (его) мать приготовила самца, а самку оставила. Ее положили в большой котел.

— Завтра утром сварю, покормлю тебя, сынок. Наши апаки опять возьмут тебя и уведут, чтобы ты ловил рыбу. Дадут ли тебе две рыбины?

Затем поели и легли спать. Около полуночи сын слышит, что в их котле (что-то) плещется. Он прислушался, встал тихонько и, подойдя к котлу, посмотрел. Рыба оказалась живой. Наш юноша думает:

— Как же ожила давно уснувшая рыба?

Его мать продолжала спать. Рыба сказала:

— Юноша, какая удача, что меня отдали тебе на съедение. Я не рыба, я дочь хозяина воды. Я, играя, приплыла к вашей деревне и нечаянно попала в ваши сети. Пожалей меня, отнеси меня к воде и брось. Чего пожелаешь — всем помогу. С этих пор ты будешь жить благополучно, удача найдет тебя.

¹ Условно старуха — очевидно, вовсе даже не старуха, если ее сын «только что возмужал».

² Апак 'тесть' (Нивхско-русский словарь 1970: 34). Однако в тексте говорится о братьях этой женщины («старухи») — «У этой старухи было много братьев». Таким образом, перевод 'тесть' не совсем точный и полный.

³ Вешал — «приспособление для сушки чего-л.» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 40).

Юноша, испугавшись, что она заговорила на нивхском языке (человеческим языком), вынул ее из котла, бегом отнес к воде и бросил. Когда она отплыла подальше, юноша увидел красивую нерпу, пятнистую. Она сказала ему:

— С этих пор вместе со своими апаками рыбу не лови. Завтра утром всякой разной рыбой будут полны твои вешала.

Затем нырнула, а когда вынырнула очень далеко, показалась ему совсем маленькой.

Мать, встав утром, хотела сварить рыбу, чтобы покормить сына, в котел заглянула, а рыбы нет. Удивилась и разбудила сына.

— Наша рыба исчезла; если подумать, что собака съела, так ведь она привязана.

Сын отвечает:

— Апаки жадные, видно, ночью забрали.

Потом он вышел наружу и посмотрел: на самом деле их вешала были полны рыбой. Вошел и говорит матери:

— Выйди, возьми и свари рыбу.

Мать вышла — на вешалах полно рыбы. Так обрадовалась, что даже, не взяв рыбу, вернулась и говорит сыну:

— Кто это столько принес, нас угостил?

Сын отвечает:

— Кто же еще, конечно, апаки.

Только тогда мать вышла, взяла рыбу и приготовила. Они еще не поели, когда пришел мальчик:

— Мои отцы тебя зовут рыбу ловить.

Наш юноша в ответ:

— Я сам много рыбы поймал, с твоими отцами рыбачить не буду. Уж скоро зима, а мне лишь по две рыбы давали, как мы выживем? Я сам буду ловить рыбу и заготавливать юколу.

Мальчик ушел, своим отцам сказал:

— Их вешала полны рыбой.

Отцы отвечают:

Как же наловил рыбы? Столько много!

Юноша каждый день с матерью заготавливал юколу. Всю разделают на юколу, на другой день выйдут, посмотрят — опять столько же много и рыбы, и нерпы, так изо дня в день заготавливали юколу. Делали себе запасы на зиму.

Прожили год. Один старик шел вдоль берега. И увидел он молодую красивую женщину, сидящую на дереве (!). Она сказала старику:

— Каким образом к тебе обратиться?

— «Дедушка» надо сказать, вероятно.

— Дедушка, в вашей деревне есть ли такой-то человек?

Старик отвечает:

— Есть, с матерью вдвоем только живут.

Тогда она достала табак и угостила старика.

— Как пойдешь, скажи этому человеку, чтобы ко мне пришел. Пойти бы с тобой, да нельзя мне, уидь⁴.

Старик говорит:

— Я пойду передам ему.

Старик пошел и, даже не заходя домой, отправился к юноше.

— Какая-то женщина, гостья, наверное, зовет тебя к себе.

Юноша отвечает:

— Что это за женщина может быть?

Тогда мать сказала:

— Стало быть, знает нас, коли просит пойти встретиться.

Юноша отправился к женщине. Подойдя к ней, остановился. Женщина ему (говорит):

— Ты ведь мужчина, не стесняйся, подходи и садись.

Он присел поближе к ней.

⁴ Уидь — запрет, табу.

— Как же быть? Мой отец и моя мать мне велели (не говорить), пусть я буду бессовестная, но скажу тебе: моя мать — дочь хозяина воды. Ты спас мою мать, поэтому она прислала меня к тебе, чтобы приготовить еду и тебя покормить, воды принести и напоить, твою порвавшуюся обувь зашить, если только ты не отвергнешь меня.

Взял он морскую женщину и стал жить благоденствуя, не зная нужды ни в рыбе, ни в мясе лесных зверей. У них родился мальчик. Мать нашего героя умерла уже, и вот их сын возмужал и стал могучим человеком. Однажды его мать сказала мужу:

— Наш сын повзрослел, если ты и станешь слабым, он прокормит тебя. Завтра я уйду, отправлюсь умирать в морскую стихию. Долго здесь не проживу, таков обычай у нас, морских людей.

На следующий день, когда выпалились, встали, сказала (она) своему старику (мужу):

— Когда поедем, пойдем вместе к воде, посмотришь, как я буду уходить.

И вот уже жена подошла к воде и вошла в нее. Отошла подальше, превратилась в нерпу и сказала своему мужу:

— Счастливо оставаться, ты больше меня не увидишь, забудь меня и не расстраивайся, живи счастливо. С этих пор ваш род всегда будет с сухими подошвами /т.е. люди этого рода не будут погибать в воде/.

Примечание Г. А. Отаиной:

Текст записан 19 августа 1973 г. от носителя руйвинского говора Колки.

ТЫЛГУ 14.

СЕМЬ СЕСТЕР

Одни рыбачили, другие дрова кололи и всё другое делали. Мужчин не было, жили поэтому без детей.

Однажды самая младшая колола дрова. Во внешнем углу дома¹ заплакал ребенок. Стали они то место раскапывать. Копали, копали снег — там оказался младенец, свернувшийся клубком. Они его взяли и внесли в дом. Они очень обрадовались, запеленали его в нивхскую люльку (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), он смог отталкиваться ножками /от нар/. Когда он плакал, его кормили и радовались.

Ребенок подрастал, вырос из люльки (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), вот-вот начнет ходить. И вот однажды /у них было много собак/ варили харк², чтобы кормить собак. Очень сильно кипело, пар поднялся. Все ушли по своим делам. И вот зашла (младшая сестра) посмотреть; /видит/ — ребенок прямо вместе с люлькой над котлом и при этом лакает. Женщина подбежала и схватила его — рот был забит. Отнесла его на место, умыла и оставила. Когда старшие сестры пришли, рассказала им: так и так было. Еще одну (сестру) оставили присматривать — опять то же самое.

¹ В нивхском, как и в некоторых других языках, разными словами обозначаются внутренний угол и внешний угол.

² харк 'высушенный позвоночник рыбы (идуший на корм собакам)' (Нивхско-русский словарь 1970: 424).

— Это злой дух, нам нужно бежать.

Другая женщина тайком понаблюдала. Опять, как и вчера, будучи прямо в люльке, поедал харк. И хотя всё знала, сказала:

— Ой беда, ребенок-то упал, кажется.

Подняла, положила на место. И вот они легли спать, всё приготовив. Переночевав, поднялись затемно. Ребенок вроде бы спал. Старшая сестра взяла золу, гребень и точило. Утром встали и убежали. Бежали и протапывали друг другу дорогу. И вот позади них показался громадный злой дух.

— Женщины, женщины, хватит ли вас хотя бы на один мой зуб?

Уже приблизился к ним. Старшая женщина золу достала:

— О зола, зола!

Зола поднялась туманом — злой дух стал блуждать. И вот он пробился сквозь туман, снова стал к ним приближаться. Ближе подошел. Старшая достала гребень, бросая его, воскликнула:

— О гребень, поднимись толстыми лиственницами и расти густо-часто.

Когда она бросала, деревья поднялись стеной. И вот слышен шум, как он валит деревья. Всё трещало там. А женщины убежали далеко.

И вот опять, пробившись сквозь (деревья), бросился их догонять.

— Теперь-то конец вашим хитростям, съем я вас, хватит ли на один мой зуб? — услышали они.

Когда он к ним близко подошел опять, (одна из женщин говорит):

— О точило, точило, упрись в небо, упрись в воду, сделайся каменной скалой.

Бросила точило, заклиная его. И встала скала от неба до воды. И стал он грызть этот камень: кыдрр-кыдрр кваи (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной).

За это время они ушли. Только скрежет раздавался, а потом стих. И вот они увидели один дом. Вошли. Уселись одна возле другой. (Самая) младшая с одного края, (самая) старшая — с другого.

Тут они осмотрелись. На доске у очага два глаза видны, а ноги — как палочки для еды. Поднялась и закачалась старушка, а худая-то! Встала и сказала:

— Ну, сами себя принесли, вот они. Ну, отправьте ко мне старшую.

А сама руки потирает.

— Будем бороться (это старушка говорит).

Старшая (сестра) думает:

— Да что тут такого-то, раз брошу на пол и убью!

Сцепились. Кружились, кружились, наша женщина — бух! Упала замертво. И тогда (старуха говорит):

— Кто следующий, пусть идет ко мне.

И следующая пошла к ней.

Опять покружились, покружились, бросила ее (старуха) на землю и убила. И так она их убивала. Когда пошла еще одна, оставалась только младшая. Как только ее сестра начала бороться, она (младшая) продырявила окно и убежала. И страшно ей было, и досадно, так она убегала, не помня себя. И вот уже стемнело. Так с ходу и легла, поспала. Как только стало светать, встала и пошла. Шла, шла и увидела один дом. Войти побоялась. А есть как хотелось! Возле дома стоял амбар, и никаких женских предметов не было видно.

Поколебалась и вошла: убьют так убьют, всё равно некуда деваться. Осмотрелась в доме: только мужская одежда и одно спальное место. Так и сидела. И вдруг кудрр (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной) — пришел один человек. Снаружи пошумел и вошел. Посмотрела: молодой человек. Покосился, поглядел, но она сидела с опущенной головой. И вот (он) вдруг вышел, нарубил мясо, занес и стал готовить. А потом (говорит):
— Не стесняйся, иди поешь со мной.

Делать нечего: поела с ним. И поженились. Юноша ловил рыбу и охотился. Прожили долго. Женщина забеременела. Уже скоро роды. Тогда она сказала мужу:

— Иди в сопки, сделай шалаш из еловых ветвей, заготовь дрова на семь дней и еду на семь дней.

Муж всё это сделал. И вернулся.

— Себе еду и питье тоже заготовь на семь дней.

И себе он всё заготовил. Отвез на нарте свою жену. Привел в шалаш. Когда он уходил, строго-настрого ему наказала /букв.: только что не побила/:

— Семь дней не поднимай головы, ешь только лежа.

Постелил себе постель на нарах. До шестого дня он спокойно (время) провел. На седьмой день, решив, что уже можно, встал. Посмотрел на дрова и понял, что надо еще день пролежать. Снова лег. Ему не терпелось пойти за женой. Поднявшись рано утром, отправился, взяв нарту. Когда он приблизился, его дети играли, катаясь с горки.

— Отец идет, отец идет.

Посмотрел на младшего — горбатый. Как вошел, жена схватила головешку и ударила его.

— Зачем ты встал? Из-за (тебя) наш ребенок горбатый!

Погрузил на нарту жену и детей и стал быстро спускаться.

Эти дети выросли. Каждый день охотились. Своим детям она ничего не сказала /о сестрах/. Когда дети уходили, плакала о сестрах.

Дети слышали это и не могли убить зверя. Однажды подумали и решили:

— Немного отойдем и вернемся.

Взяли за руку мать и спрашивают:

— Почему ты постоянно плачешь?

— Хорошо, — сказала она, — я расскажу.

И она всё рассказала своим детям.
— Так вот в чем дело.
— Дети, дети, не ходите.
— Ну, давайте пойдём к той старухе.

И отправились — где шагом, где бегом. Добрались и вошли. Поискали глазами. Опять с краю доски приподнялась — всё, как мать рассказывала.

— Ну и здорово, эти прекрасные люди сами пришли.

— Ну, погоди, — подумали юноши.

— Бабушка, бабушка, позволь нам воды принести, огонь разжечь, потом нас убьешь и съешь.

Старуха обрадовалась. И занялись все делом. А старуха оставалась сидеть. Потом нарукавником из рыбьей кожи натерлась. Покачивалась туда-сюда, между двух очагов уселась. Когда они уходили, мать сказала:

— Первым выпускайте младшего.

У этой старухи была железная бочка — пир (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной).

— Кто старший, давай будем бороться!

Тогда младший сказал:

— Вот он я, старший.

Подошел к старухе, схватил ее, поднял и сунул в ту бочку. Криком кричала, да и утонула. Бочонок с водой и старухой привязали к спине младшего. И стали возвращаться домой. Шли, шли, стемнело. Когда стемнело, увидели собиравших (охотившихся на соболя) людей. Наши юноши, испугавшись их, забрались на дерево. Младший так с бочонком и влез. И вот младший говорит:

— Братья, я хочу по малой нужде.

Те его поругали.

И опять:

— Я по большой нужде хочу.

Те опять поругали.

И вот у него обломился сук. Младший свалился, бочонок покатился и за-
давил тех людей.

Вернувшись к отцу-матери, всё рассказали.

«Вот я тебе мифы и сказки рассказал и от себя, придумывая, добавлял.
Дальше и дальше другим передавайте, в книге напишите, пусть много людей
услышат». /Слова рассказчика Лавы/

СКАЗКИ

(НГЫЗИТ)

НГЫЗИТ 1

Стоял только один дом. Однажды отправился в сопки /хозяин этого дома/. Ушел далеко. Охотясь, увидел след дикого кабана. Нагнал, когда солнце почти село. Железной стрелой¹ убил, разделал, унести домой бы, да очень далеко. Это мясо в одном месте сложил. Себе отрезал немного, на один раз поесть, и вернулся. Сварил мясо, поел и лег спать.

Утром рано встал, взял нарту, пошел, чтобы взять оставленное мясо. Это мясо полностью исчезло, никаких следов зверей, ничего не было. Стало ему очень досадно. Снова стал охотиться и увидел след лося. Стал преследовать. Когда солнце почти село, нагнал. Убил его, разделал, снова, как вчера, в одном месте сложил мясо. Унести бы домой, да уж очень далеко зашел. И снова немножко отрезал и понес. Сварил мясо, поел, лег спать, рано утром встал. Снова отправился за мясом, снова взял свою нарту. Мясо опять исчезло, никаких следов не было. Еще сильнее стало ему досадно. Немного отдохнул. Потом снова поднялся в сопки. Стал опять искать, переваливая гору за горой. Переходя гору за горой, ходил, ходил и нашел берлогу медведя. Дал ему выйти (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной)², убил, разделал и снова мясо сложил в (здесь пробел в тексте перевода).

Нашел трухлявое дерево, сделал человеческую фигуру, сделал ей палец и наказал:

— Смотри хорошенько, если откуда-нибудь кто-нибудь появится, в ту сторону, куда он уйдет, указывай пальцем.

Потом снова отрезал немного мяса и понес. Мясо сварил, поел, лег спать. Наутро поднялся очень рано. Снова с нарткой за мясом отправился. Когда пришел на место, мясо полностью исчезло. Тогда он пошел к своему «хозяину» и посмотрел. Палец указывал вверх, на сопку. И он отправился в ту сторону. Шел он — далеко ли, близко ли, всё шел. И вот показались следы зверя на снегу. Чем дальше, тем более увеличивались следы. И вот уже показались человеческие следы. И он пошел по следу. Когда прошел через одну марь, чуть виднелся густой дым из трубы.

Стук себя по голове!

Превратился в муху и полетел. Летел, летел... Когда пролетал мимо дома, то возле него были «сторожа» /«стража»/ — облезлые волки, чограмлакху (?), тигры во множестве.

¹ Если уточняется, что охотник убил дикого кабана именно железной стрелой, значит, относительно недавно нивхи применяли не только металлические наконечники стрел: «В прошлом, видимо, вместо железных наконечников вставляли костяные» (Таксами 1975: 43). В этой же книге Ч. М. Таксами на с. 39 можно увидеть рисунки немалого количества нивхских костяных наконечников гарпунов и стрел из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук.

² В описании охоты нивхов на медведя Ч. М. Таксами отмечает, что «нивхские охотники никогда не убивали спящего зверя» (Таксами 1975: 42).

Уселся в отдушине (на стене?) и стал смотреть. Там оказались две женщины.

Думает:

— Одна из них, видно, служанка другой.

Разглядел другую — смуглокожая, красивая, с прекрасными волосами³. Медвежье мясо, сварив, ели. Ели да смеялись, ели да смеялись. Наш герой думает:

— Украли у меня мясо и со смехом поедаете. Ох, и узнаете же вы у меня!

И когда смуглокожая, взяв мясо, ела, (он) превратился в тонкую иглу и спустился. Как только она разинула рот, нырнул туда. Вошел в нутро и только хорошие места и трогал. Эта женщина стала кататься от боли, тошнило ее. И вот между приступами боли говорит:

— Скорей отправляйся к старшей сестре, пусть придет быстрее со своими вещами (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной). Садись на своего зверя и отправляйся.

Тогда та женщина быстро встала и выскочила. Наш герой посмотрел: села на Хок-на (Лок а?), только в ушах засвистело, и исчезла из вида. Вверх по течению отправилась.

А женщина так и мучилась. К вечеру уже появились. Посмотрел, когда она вошла: смуглая, с прекрасными волосами, с тяжелым взглядом. (Дословный перевод? Может быть, с серьезным взглядом?)

— А, она шаманка, — подумал.

Вошла (она) и (говорит):

— Ой-ой, что случилось?

Подошла к сестре. Тогда ты немного отпустила боль.

— Не знаю, что случилось, чуть не умерла от боли. Скорей посмотри меня, пока не случилось чего дурного.

Опустила свой бубен и разогрела. Подняла и стала бить в бубен. «Бум-бум», — раздалось. Несколько раз ударила. И вот уже говорит:

— О, беда, вы у Храброго воина добытое им мясо кабана, лося и медведя украли и принесли, на вас вина лежит. В это время игла оставила внутренности.

— Нет, нет, сюда никто не приходил. Мои сторожа ничего не почуяли. И тогда изо рта выпрыгнул и стал сам собой. Те видят: красивый человек, действительно, Храбрый воин.

— Из-за чего вы тут шумите? Я угостил своих жен мясом, из-за чего ругаться?

Шаманка опустила свой бубен и положила. И его жена, покраснев, опустила голову. Шаманка, схватив свои вещи, стремглав выскочила. Выйдя, села

³ «Смуглокожая, красивая, с прекрасными волосами» – интересно, что в двух приведенных выше тылгу у нивхских красавиц кожа светлая: «Оказалась красивой белокожей женщиной» (тылгу № 2), «Какая женщина! Глаза красивые, лицо белое, высокий рост. А косы длинные!» (тылгу № 12, «Лебеди»).

на летающего коня. Железным прутом стегнула коня и помчалась. Наш герой подумал:

— Улетай себе, я все равно пушусь в погоню. И вот он сел на Лок а (здесь должно было быть разъяснение Г. А. Отаиной) и стал догонять. Сначала был далеко от нее, а потом все ближе и ближе. Посмотрел вперед и увидел домик, такой же, что и в первый раз. Та женщина первой там опустилась. Привязала своего коня и вошла в дом. Тогда он опять превратился в муху, полетел на та-ма-хути⁴, уселся и заглянул внутрь. Там была женщина. Как только вышла /шаманка/, стала рассматривать.

— Сестрица, сестрица, каковы вести из твоего путешествия (т.е. что узнала ты во время своего путешествия)?

— Ой, и сказать невозможно, — отвечает.

Взяли мясо Храброго воина и так его разозлили, что он чуть не поубивал их. Младшая сестра приготовила еду, сварила кашу и поставила на столик. И сели есть. Только тогда старшая добавила:

— Могучий человек, может быть, следом за мной придет.

И тогда он спрыгнул вниз.

— Давайте вместе посидим, поговорим и поедим, — говорит.

Шаманка схватила свои вещи, шур — и была такова. Тогда он стал есть то, что было на столе. Приглашает ту женщину:

— Поедим-ка вместе. Ты никуда не уйдешь отсюда.

А сам уже выходил. Выходя, сказал:

— Жди меня до трех лет. Я обязательно добыюсь той женщины. Пойду сражаться за нее.

И опять помчался догонять ту женщину, только в ушах засвистело. Снова показался домик, похожий на два первых. Женщина, опередив его, привязала своего коня. А конь ее был уже мокрый и с пеной у рта.

Когда она вошла, он подошел к коню и спутал ему ноги. А сам, превратившись в муху, полетел смотреть. А там уже о новостях справлялись:

— Сестрица, сестрица, каковы вести твоего путешествия?

— Не стоит расспрашивать, вот уже прибудет, может быть, подсохшую юколу дай в дорогу мне.

Тогда наш герой спрыгнул, стал сам собой.

— Вот уже появился, — сказала.

Младшая скорей-скорей юколу и еще что-то завернула и сунула ей за пазуху. А та быстро выскочила. Села на своего коня, стегнула — конь ни с места. Он вышел следом и говорит:

— Пусть конь твой отдохнет, а мы вместе поедим да поговорим.

⁴ Т'омо-хути? Нивх. амур. т'омо, вост.-сах. т'омс 'дымовое отверстие в крыше древнего жилища нивхов', к'ути (хути) 'отверстие' (Нивхско-русский словарь 1970: 383, 136).

Делать нечего — вошла в дом. Младшая, засучив рукава, готовила, на троих еды надо больше сварить. И стали они есть и разговаривать. Шаманка говорит:

— Возвращайся отсюда домой, не преследуй меня. Если только смерти хочешь, можешь меня догонять. Мой муж — могучий человек. Человек водной стихии, как выйдет на берег да закричит громко, так люди и падают замертво.

Наш герой отвечает:

— Все равно пойду сражаться: если я окажусь слабее, меня убьют, если я окажусь сильнее, я его убью⁵.

Затем женщина удалилась на коне. После ее отъезда он переночевал, отдохнул и только потом пустился вдогонку. Добравшись до той деревни, вошел в дом той женщины. К середине дня вода стала прибывать. Тогда этот /водный/ человек высунулся по грудь и закричал в сторону берега. Жители деревни так и попадали замертво. Наш герой /вы/стоял, выпрямившись.

— О, Храбрый воин прибыл, оказывается! Побрататься и отпустить тебя или сразимся?

Наш герой захотел сразиться. И начали драться. Ни дом, ни что другое не устояло, всё сметая, дрались — состязались. Половину жителей деревни убили, их по земле размазали. И вот тот человек умер. После этого стал искать шаманку и, найдя, взял ее /в жены/. По дороге домой взял следующую, еще одну и четвертую. И вот все четверо отправились домой. Стали они угощаться мясом, которое он добыл. Потом он их всех отвез домой.

Сказку о Храбром человеке и четырех укравших мясо женщинах люди мне рассказали, я послушал и вам рассказал.

⁵ Аналогичные или в принципе сходные формулы, произносимые перед началом поединка, характерны также для фольклора других народов, например, эвенков:

«Ты, одолев, убей меня!

Я, одолев, убью тебя!»

(Исторический фольклор эвенков 1966: 183)

«Если убить, то убью», — говорят;

«Если жить, то жить буду», — говорят;

«Если спасти, то спасу», — говорят»

(Исторический фольклор эвенков 1966: 233).

НГЫЗИТ 2.

СКАЗКА О ЛЫСОМ

Посреди одной деревни жили старики — старейшины. В верхней части (?), чуть подальше от всех стоял дом двух братьев. Лысый — младший, с нормальными волосами — старший. Их отец с ними жил.

Перед праздником медведя (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной) шли медвежьи игры, старший брат каждое утро, встав, шел туда. Лысый оставался дома с отцом.

А те, поиграв с медведем, шли играть в мяч на льду — пук лазрдь (предполагалось примечание Г. А. Отаиной). И так они играли каждый день.

Однажды Лысый надел рваные (что?), подпоясался куском веревки, взял клюшку и встал у столика (к которому привязывают собак). Так он стоял себе, вдруг нижние так ударили, что мяч поверх верхней команды со свистом проскочил. Лысый отбил его, да так, что дальше верхних и нижних пролетел мяч. Тогда старший брат, выскочив из толпы, стал ругать его и прогнал домой.

Вернулся домой, брат вернулся ко времени, когда нужно было колоть дрова (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной). В тот день переночевали, назавтра (старший брат) опять пошел играть в мяч. Лысый опять тут как

тут. Снова мяч попал к нему, он его отбил поверх всех. Опять пришли и угрожали ему, а он убежал.

Вот настало время зверя отправлять (т.е. прощаться с медведем на «медвежьем празднике»). Жители деревни все до одного пошли. Наш лысый подумал, встал, оделся и пошел. Прямоком в дом старейшины вошел и поискал глазами: никого не было, все ушли. Закрыв за собой дверь, пошел, за дом заглянул. Там оказалась дочь старейшины. Подкрался к ней и дернул за плечи — она упала на спину, что-то у нее отобрал. Взял что-то и вернулся домой, взял топор и пошел в сопки. Сходил в сопки и вернулся как ни в чем не бывало.

А та девушка вернулась в дом, легла, свернулась клубком. И вот вернулись ее отцы-матери, а их дочь лежит; непонятно, где голова, где руки, так и лежит (свернувшись). Ее мать пыталась поднять ее, узнать, что случилось, но не смогла поднять. Потом (девушка) сама встала, оделась. Выйдя, прямо к Лысому направилась. Пришла в дом к Лысому и как будто тут и была.

Вскоре снаружи послышались шаги: «кеур-кеур», дверь отворилась. Посмотрели: старший брат девушки вошел с луком и стрелами и хотел выстрелить. Лысый сказал:

— О апак¹, подожди. Можешь нечаянно в сестру попасть.

Сам (Лысый) вскочил и, пройдя к верхней части нар, остановился. Тогда (старший брат девушки) выпустил стрелу — Лысый увернулся, стрела впилась в стену.

— О апак, хватит (очевидно, это слова Лысого).

Вытащил (Лысый) стрелу и отдал.

Схватив свои стрелы, (старший брат девушки) вы-

¹ Апак 'тесть' (Нивхско-русский словарь 1970: 34). В тылгу № 13 нивхское слово апак означает 'дядя', в этой сказке (№ 2) словом апак назван старший брат девушки.

скачил вон. Тут он (Лысый) улегся возле женщины, опираясь на подушку (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), длинную трубку покуривая.

И вот снова шаги слышались: «кеур-кеур», дверь отворилась. Посмотрели: старейшина — старик — с копьем направился к нему. Лысый вскочил и пробежал к понах², копьё вонзилось в стену. Дважды, трижды пытался попасть

² Понах 'нары (находящиеся против входа в жилое помещение)' (Нивхско-русский словарь 1970: 267).

копьем, но не смог, подошел к дочери, хотел ее пронзить, да стукнул копьем по нарам.

— Быть посему (очевидно, слова старейшины).

Поцеловал дочь и вышел вон.

Прожили сколько-то времени и Лысый захотел в верхнюю часть деревни, куда выбросило дохлого кита. К тому киту медведи собирались. Пировали возле кита, а когда появлялся, видно, их хозяин, эти мелкие медведи разбегались.

Лысый сказал своему (старшему) брату:

— Пойди и скажи апакам нашим, что пойдём к нему (к хозяину медведей).

Когда тот пошел и сказал, те обрадовались — все они хотели быть храбрыми людьми. Брат вернулся и сказал:

— Скоро придут уже.

Вскоре после этого они пришли. Со своим сыном по копыю держали и одеты были оба в самое красивое.

Лысый вышел, поискал-поискал да нашел маленькое копьё и своему отцу дал копьё.

И вот все отправились. Шли-шли, потом (Лысый) остановился и сказал своему отцу и апаку:

— Пройдите немножко и остановитесь неподалеку, наблюдайте.

Пошли дальше, когда они уже были близко, медведи толпой спустились. Лысый говорит:

— Когда мы приблизимся и когда огромный медведь спустится, те все (маленькие медведи) разбегутся, на них не обращайтесь внимания.

И пошли дальше. Когда они стали подходить, медведи бросились в разные стороны. Когда апак в их сторону собирался выстрелить (Лысый сказал):

— Не надо, не трогай их.

Когда те (маленькие медведи) скрылись, огромный (медведь) стал спускаться. Тогда (Лысый) велел (своему) отцу оставаться на месте, а сам с апак пошел в ту сторону, куда он (огромный медведь) направлялся. Тот медведище напрямик подошел к киту и начал есть. Лысый тогда сказал своему напарнику:

— Оставайся на месте.

Сорвал (Лысый) веточку и стал спускаться. Повыше того медведя вышел к воде и ударил веточкой по воде. Ударил и сказал:

— Пал ыз³, мы пришли с тобой сразиться, поднимайся.

Потом поднялся /на свое место/, его товарищ был сильно обеспокоен. Говорит своему апаку:

— Сядем рядышком.

Не успел он это проговорить, как медведь бросился в воду и прорычал два-три раза. Оттуда стал подниматься, уже приблизился, апак не сиделось на месте, он даже отпрыгнул назад.

— Апак, не надо, не двигайся.

А медведь рыча и вс сметая на своем пути, поднимался. Когда уже совсем приблизился, апак назад дважды отпрыгнул, повыше поднялся. Лысый ждал, медведь к нему подобрался и сразился с ним, повалил его и лишь тогда апак прибежал и метнул копье. Когда медведь упал, позвал отца (и двух других?):

— Идите.

И они подошли. И сказал своему апаку:

— Возьмите всё сами, я дарю вам.

С отцом вернулись домой. А те остались, разделали тушу и стали перетаскивать к себе.

Прожили какое-то время и те подарили Лысому живого медведя. Лысый его содержал и потом «отправил домой» (т.е. устроил «медвежий праздник» — пояснение, очевидно, Г. А. Отаиной). Лишь после этого Лысый отправился за тем, что он отобрал у женщины. Когда пошел, увидел большущий кусок серебра. Принес его, нужно было ехать к маньчжурам менять на товары. Отвез серебро и выменял на товары, на большую лодку хватило. Товары привезли, со своим апак попиروвали, разбогатели — обеднели — умерли.

³ Пал ыз 'таежный, горный хозяин'.

НГЫЗИТ 3

В одном (?) жила-поживала одна-одинешенька женщина. Чего только не было у нее — всего полно. Хоть и одна жила, всего было вдоволь — и воды, и дров (!).

Вот однажды она вышла колоть дрова. Наколов дрова, стала их заносить. Когда заносила дрова, запнулась о круглую табуретку посреди пола и упала. С громким стоном поднялась. Встала с криком «ой-ой» — ударилась коленной чашечкой. Колено стало опухать. И вот, мучений не выдержав, разрежала опухоль. Когда разрежала, оттуда выпало яйцо. Положила она это яйцо в двойную колыбель и запеленала. Стала баюкать:

— И родиться не может, и лопнуть не может.

Но вот яйцо лопнуло, и заплакал ребенок. Поплакав, ребенок сказал:

— Мама, пойди по дороге, ведущей в лес, за дровами. Пойдешь — на середине этой дороги на левой стороне будет расти веточка, сорви ее. Пойдешь дальше до конца дороги, там будет расти двойное дерево: наполовину береза простая, наполовину береза каменная. Принеси его. Когда прине-сешь, сделай у нир (нир 'посуда', что такое у — непонятно; здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной) — жертвенную чашу. В ту чашу положи двой-ной мос¹. Отправь на отмель с белым песком (?).

И вот сделала, как он сказал, отнесла на берег. Прутиком (веточкой) тем стегнула — чаша поплыла через гребень восьми волн (?). Доплыла до кочек и остановилась «головой» в сторону своей деревни. А там повыше стоял один дом. Из этого дома вышла женщина, одетая в нерпичью шубу. С двумя сереб-ряными чумашками за водой спускалась. Шла, спускалась и увидела у нир. Увидела, бросила свое коромысло, подбежала и съела мос. Потом бегом вернулась назад. Зашла домой и говорит матери:

— Мама, дай мне левую грудь пососать.

Мать отвечает:

— Что это за чудачества еще?

А она:

— Ничего, мама, дай пососу.

Мать рассердилась:

— Грудь-то ведь давно засохшая!

Дочь заплакала и сказала, взявшись за дверную ручку:

— После сегодняшнего дня мой жених придет, поэтому я хотела попить не вскормившей меня груди.

Тогда мать ответила:

¹ Мос 'студень, изготовленный из растертой рыбьей кожи, тюленьего жира, воды, ягод' (Крей-нович 1973: 478).

— Ну так иди, попей.

Она подошла и засосала — полный рот, выбежала и бегом к чаше, вылила в нее. Чаша отправилась назад, домой. Пристала у своего берега. Тогда на-ходившийся в доме сказал:

— Мама, наша чаша уже вернулась, сходи и принеси ее.

Она принесла и глотком молока покормила сына. Тогда он сразу вытянулся и стал взрослым.

Так они вдвоем с матерью продолжали жить. И вот однажды он свернулся клубком: не поймешь, где голова, а где ноги. Мать все хотела его поднять, но он не вставал.

И мать говорит ему:

— Почему же ты лежишь? Ты не хочешь отправиться к своей невесте?

Тогда он приподнялся и встал. Мать расчесала ему волосы, одела в лучшую одежду, приготовила пищу и накормила.

Он оделся, спустился на берег и лег. Лег и стал не то плакать, не то петь, не то заклинать кого-то. Стал помощника своих дедов (?). И вот маленькая нерпа показалась напротив него. Вышла и спросила:

— Сынок, зачем меня звал?

Тогда он ответил:

— Бабушка, страдаю, (...) попасть на отмель с белым песком.

Только успел проговорить, маленькая нерпа стукнула его по голове — он потерял сознание. Когда очнулся, оказался среди кочек. Встал и осмотрелся: там вдали маленький домик один виднелся. Встал и пошел туда. Подошел к двери дома и стал прислушиваться. В доме пел шаман. Пел о том, что наш герой вот-вот там появится.

Тут он, стукнув себя по голове, обернулся мухой, полетел к тами-хуты² и уселся. Там оказалась его невеста /в нерпичьей шубе/. Уже зная о его при-бытии, тихо улыбалась. Шаман стал петь, призывая своего помощника дель-фина. Потом положил бубен, схватил свою жену и вышел с нею.

Наш герой сидел там, где был, а когда они ушли, слез и стал самим собой. И вошел в дом. Он вошел — бабушка его накормила. Она у него спросила:

— Сынок, ты куда собрался идти?

Тогда наш юноша ответил:

— Хочу на Нозгыл-море³ попасть.

Бабушка ему:

— Ой, сынок, даже и не думай! Всюду по дороге расставлены ловушки, как пройдешь?

² Т'омо-хуты? Нивх. амур. т'омо, вост.-сах. т'омс 'дымовое отверстие в крыше древнего жи-лища нивхов', к'уты (хуты) 'отверстие' (Нивхско-русский словарь 1970: 383, 136).

³ В нивхском языке нет родительного падежа, так что «Нозгыл-море» следует, очевидно, пере-водить как 'море Нозгыла' (далее станет понятно, что Нозгыл – это имя собственное).

Наш герой в ответ:

— Ничего, плохо ли, хорошо ли будет, все равно пойду.

Бабушка сказала:

— Ничего не поделаешь, иди, но только будь очень осторожным, берегись.

Выскочил оттуда, пришел на берег и запел заклинания. Опять стал призывать нерпу. Нерпа приплыла:

— Сынок, зачем ты меня позвал?

Наш герой в ответ:

— На море Нозгыла желая попасть, страдаю.

Нерпа что-то сделала и он впал в беспамятство. Затем тронулась в путь, по своему морю плыла-плыла и доплыла до моря Нозгыла, но от усталости или еще отчего, умер он. Тело его прибило волной к берегу. Тут спустившаяся с неба женщина отрезала его левый мизинец, положила в (двойную?) колыбель и стала качать. Она его качала в одну сторону восемь раз, на восьмой раз (на девятый?) — в другую сторону; ремень оборвался, люлька упала, ударилась, тут он вскочил и принял свой облик. Даже чуть лучше, чем прежде, стал. Когда он посмотрел вверх по течению, баюкавшая его женщина с засученными рукавами стояла. Он подбежал к ней и хотел обнять — эта женщина исчезла. Поискал глазами — нет ее. Поднял голову — она сидела на белом облаке и болтала ногами:

— Зачем ты хочешь обниматься? Только на обратном пути увидимся.

И она исчезла, а он по берегу (морю) пошел вниз по течению (см. примечание 6 к этому тексту). Шел-шел и увидел великолепную дорогу, ведущую в сопки (в горы). Дошел до развилки и стал думать, в какую сторону пойти. Подумал и решил:

— Пожалуй, лучше всего пойти по дороге, ведущей в сопки.

И пошел по этой дороге. Пошел, а навстречу ему два человека идут. Тогда он спрятался, лег за дорогой (и лежал,) пока они его не увидели. Когда они поравнялись с ним, услышал их разговор:

— Наш шаман сказал, что умум нивх⁴ по нашему морю плыл и умер, тело пристало к берегу.

Раз умум нивх, значит, у него и кости не такие, как у всех; шли, чтобы хоть на кости посмотреть. Прошли они мимо него. Наш герой пошел дальше. Шел, а навстречу опять двое идут.

— Ну — думает — встречу их так.

Вот и повстречал их. Те остановились (и говорят):

— Эй, приятель, куда ты идешь?

— Да я просто походил и возвращаюсь.

А те говорят:

⁴ Умумз нивх 'смелый человек' (Нивхско-русский словарь 1970: 394).

— Наш шаман сказал, что умум нивх по дороге на море умер. У него и кости не такие, как у всех людей, идем посмотреть на них.

И ушли.

Наш герой шел-шел и на одной стороне увидел марь. На ней собирали ягоду. Когда он прошел мимо них — еще одна марь. Там оказалась одна палатка. Наш герой, поразмыслив, опустился на колени и потом пополз. Подполз к палатке и прислушался. Там раздавались женские голоса.

— Наш шаман сказал, что умум нивх по дороге умер. Умум нивх разве умрет от одной смерти?

Только это проговорили, он открыл палатку и нырнул внутрь. Между ними устроился, вместе все покурили. Затем женщина сказала:

— Пора домой.

Стали собирать вещи, его покормили, все двинулись домой. По дороге женщины сказали:

— Нозгыл тебя караулит, все люди тебя поджидают, тебе не надо ходить, спрячься здесь.

Наш герой спрятался. Уходя, ему сказали:

— Мы пойдем, приготовим еду и пришлем слугу.

Скоро показался слуга. До него двое шли, оба с копьями, и говорят:

— Если умум нивх появится, то мы его заколем ... Наш шаман сказал, что он приближается по нашей дороге.

С этими словами они исчезли.

Слуга ему кричит:

— Эй, приятель, ты, оказывается, здесь! Меня мои хозяева к тебе прислали.

Встал и пошел со слугой. Когда пришли в их дом, те женщины ждали с приготовленной едой на столике.

Вошел, разделся. Его посадили, а сами уселись по обе стороны от него. После еды убрали посуду. Наш герой курил, когда пришел слуга:

— Друг, сегодня будет петь наш шаман, пойдем, послушаем?

— Ну что ж, давай пойдем.

Женщины говорят:

— Да зачем ты пойдешь слушать шамана?

Слуга стал выходить, а женщины его не пускают. Слуга дошел до места. И на виду у карауливших женщин хлоп себя по голове, превратился в муху и вылетел через тама-хуты⁵. И пошел хромая, вразвалку, как ходят слуги. Когда вошел, за очагом много-много слуг было, устроился среди них.

А шаманское камлание было в разгаре. Пел только о нашем герое:

— Он уже в нашей деревне.

⁵ См. примечание 2 к этому тексту.

При этих словах мужчины с копьями выскочили за дверь. Наш герой, превратившись в блоху, прыг-прыг под нары. В это время шаман:

— Он уже в доме, за очагом.

С копьями бросились туда, чуть слуг не перерезали.

В это время блоха забралась шаману в штаны и вошла в его нутро. Стала (стал) в животе кишки перерезать. Шаман как пел, так и брякнулся на пол. Все вскочили:

— Ой, что это случилось, почему умер шаман?

Наш герой выскочил и пришел домой. Жена ему сказала:

— Ну, нашкодил и явился?

— Да нет же, я послушал шамана и вернулся.

Скоро пришел слуга, сильно переваливаясь:

— Ой, наш шаман помер. Уже надо идти за другим.

И те отправились за шаманом. Привели шаманку. Стала она камлать. Пела, заклиная Нозгыла, и к утру стали петь вдвоем, с мужчиной. Нозгыл был сильный, вдвоем с шаманкой пели, и нашему герою стало невтерпеж. Так и выскочил он в дверь. Когда вышел, его схватили, отвели к пупу воды⁶ и запихнули. Тогда одна из его трех жен превратилась в ястреба, вторая — в коршуна, третья — в кукушку; полетели они к мужу. Когда они добрались до пупа земли, там находилась женщина, которая спасла его, когда он умирал /посреди моря/. Стали вчетвером думать, как спасти мужа. И вот небесная женщина говорит:

— Сделаем травяное чучело.

Вот они сделали чучело. Женщина в нерпичьей шубе сначала протолкнула чучело, а потом и сама спустилась в воду, и все остальные (спустились). Подошли к своему мужу, а он там мертвый. Потихоньку, без шума отрезали его левый мизинец. Чучело оставили, а сами вышли. Мизинец растолкли и положили в восемь мешочков. И стали кидать туда-сюда. Двое по одну сторону, двое — по другую. Вверх по течению восемь раз кинули, на восьмой раз вниз по течению (?) стукнули мизинцем об землю — поднялся (их муж) самим собой. Стал краше прежнего. И сказал:

— Ну, полетели.

Превратившись в разных птиц, полетели. Долетели до одного дома и он (муж этих женщин) сказал:

— Остановимся здесь.

А жены говорят:

— Ты простакам позволил себя утопить, так к чему в этот (дом) входить?

Наш герой в ответ:

— Я останусь, а вы отправляйтесь.

⁶ По-видимому, имеется в виду сказочная «середина моря». Получается, что у моря есть якобы не только середина, но оно еще и течет, подобно реке («вверх по течению» моря, «вниз по течению» моря).

Его жены улетели, одна за другой. А он стал кружить вокруг дома — искать дверь. В одном месте увидел шов, как будто ножом проделанный (?). Своим волосом поддел и открыл. Когда вошел, одна-единственная женщина сидела и шила. Та женщина, откладывая шитье, сказала:

— Гость, не садись, сначала поиграем.

— Да, но я не знаю, как играть.

Женщина (говорит):

Ничего, подожди меня.

Наш герой у двери ждал. А женщина стала считать иголки — ровно сто. Засучив рукава, стояла возле понах⁷:

— О иголки, сто штук, летите и пригвоздите его к стене вниз головой и вверх ногами.

Проговорила и швырнула в его сторону. Когда иголки к нему приблизились, он подставил и опустил ладонь. Иглы упали, не полетев. Тогда женщина схватила нож:

— О нож, лети и разделай его.

Этот нож полетел к нему, кувыряясь. Наш герой откашлялся и плюнул — нож упал, не долетев.

Спросил:

— Что еще?

Она пошарила у себя и что-то швырнула в него со словами:

— Лети и его по стенке размажь.

Что-то к нему приближалось, ни на что не похожее. Наш герой нагнется или качнется — повторяет вс за ним. Он откашлялся и плюнул — плюх, упало.

— Ну что, всё?

— Да, всё, хватит играть.

Наш герой (говорит):

— Подожди немного.

Подобрал иголки и швырнул в хозяйку. Иголки полетели и пригвоздили ее к стене вверх ногами. Женщина просит:

— Друг, пожалей, отпусти меня.

— Так ты для этого со мной игры затеяла, чтобы я отпустил тебя?

С этими словами бросил нож, и он вонзился в нее. Поднял с пола ее «грязь» и бросил — размазала ее («грязь») по стене.

— Гость, дружок, зачем так мучить меня, освободи!

А он в ответ:

— Хорошо стереги свой дом — я пойду назад домой.

Выскочил и отправился к женам. Все четыре жены были на месте.

— Ой, ты, наверное, нашкодил и вернулся?

⁷ Понах 'нары (находящиеся против входа в жилое помещение)' (Нивхско-русский словарь 1970: 267).

— Да нет, я зашел, «нюхнул» дыма (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), слегка поиграл и вернулся.

Его жены приготовили еду, все вместе поели. После еды (он) сказал:

— Пойду, послушаю шамана.

Вышел и напрямик в шаманский дом пошел. Вошел, в середине пола была сооружена палатка. Из палатки вышел Нозгыл с шаманкой. Выйдя, женщина взяла бубен, ударила несколько раз и опустила:

— Ой, беда, приятель, ты уже мне причинил зло и явился сюда! Ой, пожалей меня, пожалей нас.

Наш герой отвечает:

— А вы-то тоже, пожалев меня, бросили в пуп земли!

С этими словами схватил ее за волосы и выскочил наружу:

— Попади в пуп земли!

Вошел в дом, схватил Нозгыла:

— Следуй за своей женой.

Бросил его (туда же). Затем вернулся домой к женам. Прожили несколько дней. (Наш герой говорит):

— Давайте поедem домой.

— Завтра поедem, — ответили жены.

На следующий день каждый из них превратился в ту или иную птицу и (все) полетели домой. Когда они добрались до его деревни, его мать давным-давно умерла. И даже дом совсем разрушился. Женщины вышли (откуда?) и каждая из них попинала дом — он поднялся как новый. Вернулись в дом наводить порядок: одна в одной половине подметала — появился серебряный пол, другая — вторую половину подметала, появился бронзовый пол. На стены ковер повесили. Жили в богатстве, жили и в бедности, потом все умерли.

НГЫЗИТ 4

Бедный юноша жил один-одинешенек в доме шириной восемь сажений и длиной восемь сажений. И лежал он лицом только в одну сторону. За спиной его полно испражнений, а впереди — мочи. Когда червь попадет ему в рот — ест вместо мяса по земле бегущего зверя, когда муха попадет ему в рот — ест вместо мяса птицы.

Вот однажды он открыл глаза и посмотрел на тавас (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), а там женщина — ногами болтает, волосы расчесывает. И, улыбаясь, говорит нашему герою:

— Юноша, юноша, выйди — хоть узнай, что вокруг, а потом умри (так?).

Как только женщина произнесла эти слова, он открыл глаза пошире и посмотрел. Тогда эта женщина исчезла. Он вскочил. Подушка прилипла к одной стороне, в таком виде двинулся к краю нар и, ощупывая руками, пошел к двери. Когда край нар закончился, он схватил т р (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной; вероятно, это нивхское слово, означающее 'огонь', т.е. юноша схватил огонь, когда был на краю нар). Затем пошел дальше, ощупывая стены. И так, держась за стены, добрался до двери. Трогал-трогал дверь и нашел дверную ручку. Нащупав дверную ручку, отошел назад. Потом разбежался и хотел открыть дверь, но не попал в нее, ударился о косяк и упал на спину в обмороке. Очнулся, вскочил на ноги. Когда встал, испражнения — фу! — налипли. Опять пошел к двери, нащупав дверь и ручку, передвинулся к середине двери и опять повернул назад. Отошел назад, разбежался и ударился о дверь. Дверь — бах! — открылась, и он кубарем выкатился наружу. Вскочил, пощупал сам себя с одной стороны и с другой и говорит:

— Да я ст ящий человек, оказывается!

И пошел на берег. Идет и видит — длинные толстенные деревья растут. Ломая эти деревья, прошел. Когда пришел на берег, оглянулся и посмотрел:

— Я-то ст ящий человек, деревья ломая, проложил дорогу /это были не деревья, а трава/.

Вода была зеркально гладкая. Подойдя к полоске воды, заглянул и увидел свое отражение. Какой-то юноша с прилипшей подушкой глядел на него. От неожиданности он отпрыгнул назад до середины берега. И подумал:

— Если двинуться вверх по течению, злых духов нет и женщины некрасивые, если вниз — то женщины красивые и злых духов полно.

Подумал и отправился вниз. Бросился бежать вниз по берегу, солнце уже почти село, тогда он увидел длинный мыс, выдающийся в море. У подножия мыса росла одна толстая-претолстая лиственница. Под ней была ловушка злого духа. Дойдя до той ловушки, подумал:

— Если я пройду мимо ловушки, все от мала до велика меня высмеют.

Когда подошел к лиственнице, увидел, что ловушка имеет форму фигуры человека: есть место для головы, для туловища и ног. Взял да лег. Лег и хотел пошевелиться, приподнимает голову — никак, ногами шевельнуть — никак, руками /а руки растопыренные/ шевельнуть — никак. И остался так лежать. Вот и солнце село. Солнце село, но заря еще была, с низовьев прилетел кинз¹. Прилетел и сел на сук, направленный в сторону низовьев. Сказал:

— Ох и устал.

Когда кинз посмотрел на ловушку, наш герой с раскинутыми руками лежал. И воскликнул тогда:

— Какая удача, повезло мне!

Не успел он это проговорить, со стороны сопки прилетел подобный первому. Прилетел и сел на сук, растущий в сторону сопки. И этот сказал:

— Ох и устал я, повезло же мне.

Тогда с низовьев прилетел иной и сказал:

— Да ведь я раньше тебя прилетел.

Тогда второй:

— А разве это твоя ловушка?

А первый:

— Да ведь и не твоя!

Так они спорили. Только они умолкли, как с верховьев, как и они, прилетел (еще кто-то) и сел на сук, направленный вверх по течению. Более грубым, чем у них голосом сказал:

— Ох и устал же я!

Посмотрел и (говорит):

— Мне повезло-то как!

Тогда тот, который с сопки прилетел, посмотрел на того, что с верховьев, поглядел вслед улетевшему и вот-вот (сам) взлетит. И заря догорела. И вдруг с той стороны /с моря/ раздались какие-то звуки. Прилетевший с сопки прислушался, раздался высокий пронзительный голос, но ничего не разберешь. После каких-то слов послышался смех: «ха-ха-ха». И тогда прилетевший с сопки, прислушавшись к этому голосу, сорвался и полетел восвояси. Прилетевший с моря сказал определенно женским голосом:

— Укушенных в зубах несу, задержанных под мышкой держу, ха-ха-ха.

Прилетела и села на сук, растущий в сторону моря. С верховьев прилетевший туда-сюда поглядывал. Тогда она сказала:

— Ты здесь что за запах учуял и торчишь здесь, твоя ловушка разве здесь?

Тогда прилетевший с верховьев молча улетел восвояси. Посмотрела и говорит:

— Вот ведь ловушка какая, когда ни прилетишь, никогда не пустует.

Внимательно посмотрела и добавила:

¹ Кинз – черт, злой дух (Нивхско-русский словарь 1970: 113).

— Сколько ни охотилась, а такого зверя еще не видела. Вот почему эти проклятые слетелись на запах!

Тогда наш герой начал разговор:

— Первым с низовьев прилетел, а потом — с сопок; когда с верховьев прилетевший сел, первый, ничего не сказав, убрался. С сопок прилетевший, услышав твой голос, тоже ничего не сказав, убрался. Только верховской оставался до тебя.

Тогда кинс (женщина) говорит:

— Вот каков зверь, вот почему слетелись со всех сторон.

С этими словами ринулась к нашему герою, и больше он ничего не помнил. Потом очнулся, как будто после сна просыпаются. Оказалось, что она летела с ним так, что в ушах свистело. И вот доставила его туда, где огонь сильный горел. От огня было светло, а этих кинзов была тьма-тьмущая, уже с железными кандалами наготове. Только она его бросила, схватили его со всех сторон — одни ноги заковали, другие — руки. Заковали его и повели в дом. Когда его ввели, наш герой увидел: пожилой человек весь закованный в кандалы. Подальше от него молодой человек, только-только возмужавший, тоже в кандалах. Поблизости от него — девушка, помоложе того юноши, как видно. Нашего героя прямо в углу привязали.

Двух черных и двух белых лохматых собак привязали по обе стороны. Сказали:

— Заготовьте сухие дрова для этого зверя, его не будем долго у себя содержать, уж очень сильный зверь. Поэтому завтра же «отправим домой» (т.е. убьем). Привязали его, слуги и служанки разожгли сильный огонь.

И вот наш герой тихонько шевельнулся, кандалы железные загремели, лохматые собаки глухо залаяли. А слуги и служанки зажигали факелы и смотрели на него. Когда они отошли, наш герой стал расспрашивать пожилого человека:

— Скажи, каким образом ты попал в такую беду?

Он ответил:

— Соболевал (охотился на соболя) и попался этим кинзам.

— А откуда родом?

— Я сын хозяина горы.

Тогда наш герой стал спрашивать юношу:

— А как ты попал в беду?

Юноша ответил:

— Мы с младшей сестрой на лодке в соседнюю деревню к апакам² ехали и нас поймали.

— А откуда вы родом?

В ответ услышал, что они дети хозяина неба. Так они просидели до полуночи или дольше и он /наш герой/ запел:

² Апак – тесть (Нивхско-русский словарь 1970: 34).

— О, помощник моих отцов и дедов, ночью спящий зверь из очага в стороне сопки и из очага в стороне воды³, выйди и уложи их всех подряд спать!

Только он закончил петь, как в очаге в стороне все слуги легли, собаки легли. В очаге в стороне воды «тус» (?) появился — служанки все легли, к нам прошел, все кинзы легли.

И снова запел, стал звать помощницу своих отцов и дедов, (ранее) спасавшую железную мышку, чтобы она разгрызла железные кандалы.

Вскоре после того как закончил петь, из угла «тус» вышла (железная мышка):

— Сынок, зачем ты меня звал?

Наш герой ответил:

— Бабушка, бабушка, я попался кинзам и очень нуждаюсь в помощи, прошу освободить меня из кандалов.

Мышка по столбу взобралась, стала грызть железные кандалы и освободила его. Освободившись, наш герой подошел к пожилому, освободил его и сказал, чтобы (он) шел домой.

Сын хозяина горы сказал:

— Как бы ты ни спешил, по пути домой навести меня.

Затем пошел к молодому, освободил его и отправил домой. Затем подошел к девушке, на глазах у брата отрезал правый мизинец и проглотил его. А девушку, вытащив нож из-за голенища, убил, зарезав прямо в кандалах. Тогда молодой сказал:

— Как я пойду домой?

Тогда наш герой вывел его наружу, схватил за волосы и швырнул, сказав вслед:

— Доберись до дома благополучно!

Потом вышел и пошел в сторону сопки (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной). Шел-шел по дороге, видит: стоит маленький домик. Открыл дверь, вошел — там оказалась старуха огромного роста. Вошел, подскочил к ней и говорит:

— Бабушка, бабушка, старик-хозяин и старушка-хозяйка чуть не умирают, катаются от боли, послали меня за нархусом (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной).

Старуха отвечает:

— Сынок, позволь выbleвать железный сундук. В нем находится их нархус.

Наш герой в ответ:

— Бабушка, когда ты это сделаешь?

Выхватил нож и вспорол ей живот снизу вверх, оттуда вывалился железный сундучок. Наш герой открыл его — оттуда выползли змеи и ящерицы, он их растоптал. Тех змей и ящериц всех поубивал, ни одну не упустил. Там

³ В нивхском традиционном жилище было два очага: один был как бы обращен к реке, а другой — к лесу (к горе).

внутри оказалось семь яиц. По два яйца в трех местах и одно отдельно, в стороне. В этом яйце была душа этой старухи. Когда его схватил, старуха сказала:

— Сынок, сынок, осторожно, это моя душа.

Наш герой отвечает:

— Бабушка, бабушка, разинь пошире рот, дай мне закинуть туда яйцо.

И эта старуха широко открыла рот. Наш герой поглядел, примерился, да как бросит в переносицу — оно и разбилось.

Оттуда выскочил и вернулся в большой дом. Находившийся у самой двери проснулся и закричал:

— Вы, проклятые слуги и служанки, заснули все или померли!?

Тогда наш герой сказал:

— Дедушка, дедушка, ваш зверь отвязался.

И тот стал его хватать. Тут его старуха проснулась и спросонья давай кричать. Тогда наш герой взял два яйца и показал им. Тогда старик говорит:

— Грешно вам, бесшерстным детям играть такими игрушками, это дедушкина игрушка.

Наш герой отвечает:

— Дедушка, дедушка, разинь пошире рот, дай мне туда забросить яйцо, ты же тогда его (?).

Тогда старик изо всех сил раскрыл рот. Наш герой посмотрел и швырнул в переносицу: яйцо разбилось — так он его убил. Следующие за ними все еще спали. Он прошел и пнул старика. Старик проснулся. Тогда наш герой сказал:

— Дедушка, дедушка, ваш зверь-то отвязался.

Тот пытался его схватить. Он и его убил, обманув так же, как и тех. Самых крайних тоже разбудил, пнув их. Старик, проснувшись, хотел его схватить. Когда он (старик) чуть не схватил, он (наш герой) раздавил яйцо и тот со стоном упал. Потом сказал старику:

— Дедушка, дедушка, пройди немного вперед, я отдам тебе твой нархус.

Поставил этого кинза к стене:

— Дедушка, открой рот, открой!

Когда тот разинул рот, (наш герой) сказал:

— Как брошу я тебя вверх ногами, так, проломив потолок, сделайся деревом.

Потом и старуху таким же образом превратил в дерево.

Вышел оттуда и отправился вниз по течению. Он шел и увидел: у длинного мыса сделали палатку и жгли огонь так, что было светло.

Когда он дошел до мыса, там людей было полным-полно. Когда рассмотрел, увидел, что далеко в море был висячий амбар. В том амбаре дочь морского хозяина находилась. Кто доберется до нее, за того и обещала выйти замуж. Этот амбар находился там, где сходились пресная и морская вода. И в

этой морской воде громадные кенахи⁴ выныривают и исчезают. Люди, которые падали, не добравшись до амбара, служили кормом для этих кенахов.

Наш герой переночевал. На другое утро, когда солнце поднялось, раздобыл где-то лук и обратился к первой стреле:

— О стрела, как только я выпущу тебя, лети и вонзись в пудых (кудых?). И выстрелил, стрела вонзилась в кудых⁵. Тогда другими стрелами выстрелил, которые вонзались в хвост предыдущей. Когда оставалось расстояние в один его прыжок, выбросил лук.

Потом добежал до воды и побежал по этим стрелам, позади себя снимая их. Тогда вслед раздалось:

— Приятель, позволь мне дойти, хоть глазом глянуть.

Но он как бежал, так и бежал себе. Когда добрался до амбара, вынул самую первую стрелу и прыгнул к дверям. Глянул — только контуры двери видно, даже дверной ручки нет. Наш герой думает:

— Как бы открыть?

Потом выдернул волос над лбом, дыхнул на него, поддел им, зацепив за ... (край двери?) — дверь отворилась. И он вошел. Когда он вошел, женщина обернулась и посмотрела на него; покраснев, опустила голову и отодвинула свое шитье. И тут же встала. Протянула руку к полке, взяла сто иголок, положила на ладонь и дунула:

— О сто иголок, преследуйте его: пусть хоть нагнется, хоть прыгнет, сопроводите его и пригвоздите его к задней стенке.

Дунула, и иглы стали повторять его движения: он нагнется — они снижаются, он прыгнет — и они тоже. И когда иголки приблизились к нему, он дунул: «фу!». Иголки так и посыпались на его ладонь. Тогда женщина сунула руку под одежду, бросила что-то в нашего героя:

— О, это нечистое (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной), преследуй его, хоть нагнется он, хоть подпрыгнет, пригвозди его к стене.

И вот наш герой нагнется — оно тоже, он подпрыгнет — и оно тоже. Подпустив к себе, плюнул: «тофыс!». Тогда это упало к его ногам, сделалось, как вода. И тогда женщина поглядела на него, покраснев, опустила голову, в ногах (ее) засветилось, в голове (ее) засветилось, затем (она) исчезла.

Тогда наш герой, подбегая, вынул нож из-за голенища, провел ножом сверху вниз и снизу вверх — она упала у его ног. Покраснела и вскочила. Тогда наш герой пошутил:

— Ну что, твои фокусы уже кончились?

Женщина ответила:

⁴ Ке́нах 'громадное хищное насекомое' (Нивхско-русский словарь 1970: 108).

⁵ Кудых 'верхние бревна продольных стен летнего жилого строения' (Нивхско-русский словарь 1970: 124). (Вполне может быть, что это слово не имеет никакого отношения к слову кудых (пудых?) в данном тексте)

— Да, кончились.

Так они и поженились.

Когда наутро вышел и глянул на берег, то одни убили сами себя, другие домой отправились. Они поженились, и он ничего ей не сказал про ту, чей мизинец он проглотил. Через три дня он сказал жене:

— Сделай фигурки зверей, вынеси, привяжи к амбару и скажи:

— Везите нас и остановитесь у дома хозяина моря (горы?).

И она сделала фигурки разных зверей, вынесла, привязала к амбару, стегнула:

— Отвезите нас к дому хозяина горы.

И вот всякий амбар полетел. Пролетел сколько-то и остановился. Когда остановился, наш герой вышел. Когда он вышел, из дома старейшины первым вышел спасенный им человек. После него — его отцы и матери (здесь должно было быть примечание Г. А. Отаиной). Все другие с шумом вышли. Наш герой спустил с амбара лестницу и сошел. Спасенный человек позвал его в дом. Его жена из того амбара его жену позвала. Стали они их угощать, отдав свою сестру. В тот день та, что в амбаре, там и ночевала, а он с той женой — в доме.

Потом отправились домой. Когда остановились возле дома, дверь упала и углы развалились. Все вышли. Наш герой стал блевать. И когда на ладонь упал тот правый мизинец, швырнул его на землю. И тогда поднялась молодая девушка. Наш герой сказал:

— Ну, нас четверо, подойдем к каждому углу, встанем и начнем пинать:

— О дом, стань (в оригинале — встань) краше прежнего!

С этими словами пнули. Тогда дом поднялся краше прежнего. Когда вошли в дом, сказал, чтобы небесная женщина подмела пол со стороны воды, (а) морская женщина — пол со стороны сопки. Тогда пол со стороны воды сделался серебряным, а пол со стороны сопки — медным. Из амбара перенесли вещи, женщин распределили по нарам. Так они жили долго. У каждой жены родились дети, которые стали еще более могучими, чем их отец.

НГЫЗИТ 5

Сестра с братом вдвоем только жили. Сестра сделала лук, и брат охотился. Пошел на охоту, но ничего не добыл. Сестра сказала:

— Когда семь мысов обойдешь, будет ручей, кровью текущий.

И брат отправился. Шел-шел и когда один раз подтянул ремень, мыс миновал. Лег он на спину отдохнуть. Бабочка прилетела, возле него села и запела:

— О юноша, юноша, жаль красавца, жаль костей! О юноша, твоя сестра, не успел ты уйти, одной ногой ступила на улицу, другая — в доме, правой рукой за дверную ручку держась, сказала: «Как пойдешь, так и сгинешь». О бедный красавец, о бедные кости, дим-дим (?).

А юноша (говорит):

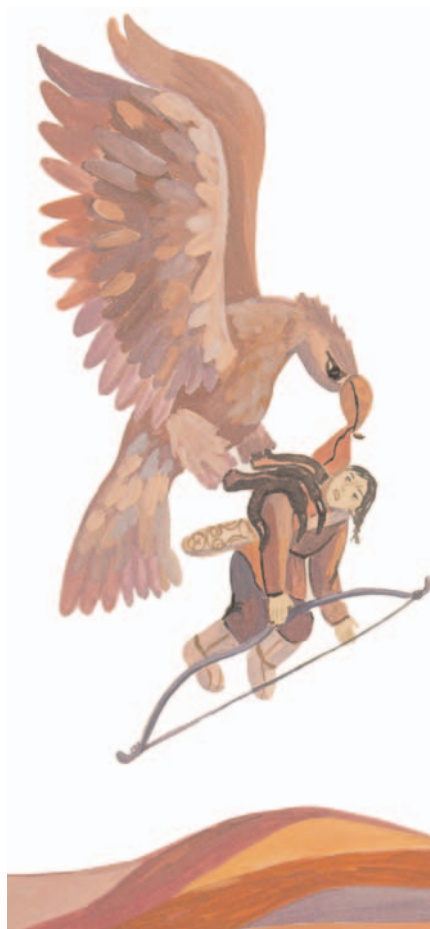
— О бабочка, бабочка, как странно ты поешь!

И пошел дальше. Шел-шел и дошел еще до одного мыса. Уже два мыса прошел. И опять отдыхал. Прилетела кукушка и сказала то же самое, что бабочка:

— Теки-теглы (?), жалко красавца, жалко костей!

— О кукушка, кукушка, как странно ты поешь!

Кукушка улетела.

Наш герой подтянул (ремень) и отправился дальше. Шел-шел и миновал еще один мыс. Как и прежде, отдыхал. Прилетела ворона:

— Баге-гаг-гаге (так?), бедный красавец, бедные кости.

— Даже ворона туда же — поет!

И кинул камень (в ворону). Ворона улетела. Третий раз подтянул ремень и пошел. Шел-шел и обошел еще один мыс. Опять лег отдохнуть.

Прилетела (!?) лиса:

— Чфеу-чфеу, кадр-пудр ны ира (так?)... и спела, как те раньше. И снова, подтянув ремень, пошел по реке (вдоль берега реки). Шел, шел и /увидел/ лиственницу. Дошел до удобного места для лежания человека: есть место для

ног, для рук, для головы. И он лег отдохнуть. Потом хотел встать, но не смог: прилип к месту, не мог встать.

И вот откуда-то он услышал громкий звук. Шумя-гремя, звук приблизился. Приблизился и остановился на лиственнице у его головы: дзинь-дзинь. Посмотрел вверх: с клювом-пешней; когти, как снасти на калугу; глаза, как бусины — туда наклонится, сюда наклонится. Затем спустился (к нашему герою), с одной стороны «дзинь» и с другой стороны «дзинь», зацепил его (героя) и полетел.

Летели-летели и к дому тянд-рыф¹ прилетели. Когда туда его доставила, внесла в дом — злые духи зашумели. Его, как медведя, ремнем, цепями привязали к столбам. На очаге в стороне сопки стоял котел и на очаге в стороне воды стоял котел².

Затем убили его и съели, кости сложили в одном месте. Когда вынесли и выбросили их, то косточка левого мизинца³ откатилась и лежала отдельно. Прилетела ворона и уселась: туда-сюда повертела головой, разглядывала

¹ Тянд-рыф (ч'андрыф) – интересная диалектная форма с носовым согласным, ср. ч'адрыф 'наземное каркасное жилище для нескольких семейств, связанных кровным родством' (Нивхско-русский словарь 1970: 441). Можно предположить, что первый компонент этого слова (ч'анд- ~ ч'ад-) имеет отношение к историческому этнониму санта(н), второй же компонент (-рыф) в амурском диалекте нивхского языка означает 'жилище, дом' (аналогичный звуковой переход наблюдается, в частности, в нивхском названии шамана – ч'ам, ср. нанайское самāā, эвенкийское самаан 'шаман'). Таким образом, первоначально слово ч'анд-рыф (ч'адрыф) могло обозначать каркасное жилище нанайского типа, которое, в свою очередь, скорее всего, было некогда заимствовано у южных соседей нанайцев – то ли у поздних чжурчженей, то ли у ранних маньчжуров.

² В нивхском традиционном жилище было два очага: один был как бы обращен к реке, а другой – к лесу (к горе).

³ Нетрудно заметить, что уже не в первом фольклорном произведении отрезанный мизинец способствует возрождению героя (героини). Однако в мифе № 1 (Умумз нивх) героиня прокалывает мизинец иглой с иным результатом: «О женщина, женщина, правый мизинец иглой уколи, выпусти кровь и принеси жертву через матьхути».

его. Затем, схватив его клювом, улетела. Летела-летела и у моря увидела висачий амбар. И села отдыхать. Ту косточку бросила — упала «стук-стук».

В том амбаре только две сестры были. Старшая услышала стук, вышла и занесла /косточку/. Сделали люльку из двойной бересты, стали качать. Старшая баюкает:

Бэ-бэ-бэ, и жару чувствую, и в пот бросает, и изнемогаю без сил.

Днем и ночью с сестрой по очереди качали. Качали-качали и вот послышался плач:

«о-а-и, о-а-и».

Качнула четыре раза и бросила об свой порог. Когда из люльки привстал — возмужавший юноша, краше прежнего, поднялся: стройный, с прекрасными волосами, краснокожий. Встал и, покраснев, опустил голову. Сестры приготовили (еду), все вместе поели. Юноша сказал:

— Как же мне дойти до своей сестры?

Женщины ответили:

— Хорошо, не беспокойся.

И из бересты сделали фигурки зверей, рыб, оленя; потом, привязав к амбару, стали стегать. И фигурки превратились в зверей, рыб, (оленя?). Запрягли их и отправились. Летели и опустились пониже (по течению?) своей деревни. Когда остановились, (герой наш) зашел к одной старушке и спросил о сестре. Старуха ответила:

— Сынок, сынок, к твоей сестре жених приходит.

Тогда взял лук, стрелы, копье⁴ и пошел. Когда вошел (услышал):

— Братец, пожалей меня.

Не слушая, пригвоздил ее (кого?) к стене, потом только отправился за своими женщинами и привел их. Жили-жили и богатыми умерли.

⁴ Интересно, что в данном нивхском фольклорном тексте, как и в других, здесь публикуемых, герои пользуются не огнестрельным оружием (его нивхи знали не от русских, а в конечном итоге от маньчжуров, о чем свидетельствует соответствующая лексика: нивх. меутю 'ружье', охт 'порох; лекарство'), а луками, стрелами, копьями. В то же время, в некоторых текстах герои курят (с табаком нивхи, как и другие народы Приамурья, познакомились также в результате весьма интенсивных контактов с маньчжурами; нивхские слова, обозначающие табак (тамх) и трубку (тай), восходят к маньчжурским, возможно, через нанайско-ульчское посредство). Сказанное можно проиллюстрировать следующей цитатой, взятой из «Сказки о лысом» (текст № 2): «Вытащил (Лысый) стрелу и отдал. Схватив свои стрелы, (старший брат девушки) выскочил вон. Тут он (Лысый) улегся возле женщины, опираясь на подушку, длинную трубку покуривая». О маньчжурском влиянии на культуру народов Приамурья см. работу (Хасанова 1999: 222-231).

НГЫЗИТ 6.

ЖЕНЩИНА ЛЮДОЕДКА

(опубликовано в EMIŠ только в переводе на русский язык, с. 203-208)

Жили-были два брата. Каждый день охотились. Каждый день (охотились,) соревнуясь. Если старший первым встанет, он отправляется. Когда старший уходил, /младший/ колол дрова и готовил пищу. Если младший вставал раньше, то уходил, а старший оставался дома и варил. Соболевали (охотились на соболя). Мяса столько заготовили, что амбар был забит.

Однажды младший, опередив брата, ушел. Старший дома остался. И вдруг слышит снаружи «скрип-скрип» — с их берега поднимается /кто-то/. Окна у них были из рыбьей кожи¹. Схватив игдяко², полоснул по окну. Прорвал окно, высунул голову, туда-сюда головой повертел и увидел: женщина поднимается, обувь-мокасины за спиной неся. Видит — наполовину женщина, наполовину злой дух, ведьма. Дошла до дома и стук-стук — отряхивалась. Распахнув дверь, вошла. Смотрит (старший брат): до очага дойдя, опустилась. Наш герой спрашивает:

— Куда держишь путь, зашла сюда?

Женщина отвечает:

— Заблудившись, кружила-кружила и к вам зашла.

— Вот как, — отвечает.

И давай варить! Мяса позанес — старается вовсю. Лавынь³ полным варил, вечернюю еду готовил. А она так и сидела — ни с места. Решив, что женщина голодна, накормил ее готовым мясом. Она ела, а он наблюдал: притворялась, что ест, на самом деле из-под мышки выкидывала.

И вот младший брат — курр — прибыл. Тогда он (старший) взял да и вышел к брату. Подошел, дотронулся до руки (и говорит):

— Послушай, какая-то женщина к нам с тобой пожаловала, не вздумай ночью что-нибудь выкинуть.

Рассуждают:

— Кто бы это такая могла быть?

Мясо забросили (в амбар?) и вошли. Старший впереди, младший за ним. (Старший брат) размашисто прошагав, возле той женщины присел. Младший брат, войдя, глянул на женщину: ведьма. Прошел на свое место и сел. Стар-

¹ Интересная этнографическая деталь.

² Иг"дяк"о (игд'аго) 'строгальный нож' (Крейнович 1973: 472). Судя по этому слову, текст был записан Г. А. Отаиной, по всей вероятности, у сахалинских нивхов – носителей восточно-сахалинского диалекта нивхского языка.

³ Лавынь 'котел (большого размера)' (Нивхско-русский словарь 1970: 153).

ший брат достал горячее мясо, стали вместе (с младшим братом) есть, а той женщине дали отдельно. Старший брат изредка косился на нее, а младший тайком смотрел: опять, как недавно, притворялась. Младший подумал:

— Она этой ночью что-нибудь да натворит.

Потом они рядом с собой постелили постель (женщине?). Младший был возле большого столба напротив двери. Огонь горел-горел и стал потухать. Тогда женщина — шур-шур — с нар спустилась. Младший брат один глаз прикрыл, а вторым наблюдал: шшш-шшш — к огню подошла и стала раздувать. Огонь снова разгорелся. Полой от них загородилась. Зашипело что-то на огне, что-то она поджаривала. Младший хлоп себя по голове и, превратившись в железную крысу, по столбу взбежав, стал смотреть. И тогда увидел: женская рука, правая, с браслетом поджаривается. Поморщившись, вернулся на свое место, лег. Старший брат тогда — шур-шур — вскочил на ноги. Она то мясо швырь и притворилась спящей. Подошел, разбудил ее:

— Послушай, что мне приснилось: ты встала и на нашем огне поджаривала шипящую, у локтя отрезанную руку, правую, с браслетом!

— Я ведь всюду скиталась, может быть, злой дух и вселился в меня.

Снова легли спать. Та женщина снова встала, к огню подошла, мужскую руку поджаривала. Младший брат в крысу превратился, посмотрел, поморщился и снова лег. Старший брат опять вскочил. И снова она нашла себе оправдание. Тогда он (старший брат), схватив топор, стал рубить ее, раза два ее стукнул. А та женщина убежала и ничего вроде не сделала, а исчезла.

Снова они легли спать, лежали, и вот во всех четырех углах их дома стало визжать, шуметь, скрестись. Оба так и не заснули. Тогда младший сказал:

— Брат, идиними наши ловушки, мы здесь не останемся.

Старший брат пошел, снял свои ловушки и уже приближался к дому. Видит: в их доме огромный медведь. Выскочив (из леса?), напрямик к дому бросился. Тогда младший брат выбежал, пустил стрелу железную со словами:

— Хоть и злой дух, да, наверное, есть голое тело, попади же туда!

А старший брат выстрелил сверху. Убит был медведь стрелой младшего. А старший говорит:

— Ведь я неплох, правда?

— Да, конечно.

Разрубив медведя, стали (его) сжигать. Тогда раздался голос из огня:

— Берегитесь, я все равно не оставлю вас в покое!

Так и сожгли.

Старший брат мясо заносил, на двух очагах варили. Варили — вынимали, варили — вынимали и заполнили весь кангыл⁴. И стали они есть. Младший ел немного. Старший ел, ел, пока все не съел. Всю ночь напролет ели. Утром вышли вместе.

⁴ Кангыл 'помост внутри жилого помещения для кормления собак в зимнее время' (Нивхско-русский словарь 1970: 141).

/Старший/, еле держась на ногах, пошатываясь, велел младшему надеть лыжи, и сам надел лыжи. Перед тем как скатиться со своего берега, говорит:

— Братец, а братец, если твои лыжи повернут вниз /по течению/, в низовьях чертей нет, хорошие женщины — в диковинку, если вверх /по течению/ повернут, в верховьях чертей много и женщин много (хороших, красивых).

Младший брат с шумом скатился, лыжи его в верховья повернули. Старший с шумом покатился. Спускался — шлёп и упал. И младший, оставив его, отправился сам. Идя впереди него (своего старшего брата), он убил лося и кабана. Наконец, пытая, приблизился (старший брат). Увидев мясо, обрадовался:

— Это братец мне угождает.

А младший, наделав рожнов, торопясь к его приходу, мяса у костра нажарил. Старший брат пришел и все жареное мясо съел. А затем лег, развалившись. Младший встал и впереди него отправился. Шел-шел и увидел множество людей. Они ему сказали:

— Гость, гость, давай в одном месте устроим ночлег.

Он чуть подальше поставил палатку, из еловых веток сделал подстилку. Уже стемнело. Как стемнело, его старший брат, пытая, пришел. Потом те люди к ним пришли (и говорят):

— Гости, гости, возьмите наши гостинцы.

Старший потопал (почему?) и вышел. Оказалось, что на нартах мос⁵ и всяческую еду привезли. Гремя посудой, старший ел. Всё съел. А младший думает:

— Что же в ответ им подарить /букв.: положить в чашку/?

Чуть-чуть вздремнул и проснулся. Глядь, а их чашки полнехоньки: и мясо, и всякая всячина. Вышел наружу и сказал:

— Заберите ваши нарты.

А те говорят:

— Отправьте одного за нартами.

(Тот) пришел, посмотрел и стал звать:

— Идите, идите.

Еще двое пришли. Кое-как сдвинули нарты, увезли. Затем уснули.

Вместе спустились /с берега/. Шли-шли и, дойдя до одного дома, легли спать. А потом наш герой увидел: прекрасный юноша туда же пришел. Все решили спать одновременно. Вдруг младший слышит как будто из-под подушки:

— Братик, братик, гости захватили меня и уводят.

Встал и видит: ни брата нет, ни того юноши нет. Выскочил, встал на лыжи и двинулся на голос брата. Вскоре уже догнал. Двое, кое-как таща старшего брата, идут. И он им сказал:

— Да что же это такое? Даже живого человека украли!

Один из них отвечает:

⁵ Мось – блюдо из рыбьей кожи, тюленьего жира и ягод (Нивхско-русский словарь 1970: 192).

— Не сердись, приятель, от летящих птиц только узнавал о тебе вести. Услышав, что близко ты, встретили тебя. Заговорить бы с тобой, да не решились, вот и похитили брата. От страха, измучившись, кинулись к тебе.

Младший брат согласился /помочь/ и вот они уже вчетвером двинулись в путь.

Шли-шли и на окраине деревни оказались одни амбары — семь амбаров. Друг за другом стоят. Тогда из большущего дома семь женщин вышли, жены этих людей. Один говорит:

— Пусть твой брат здесь останется, это — мои жены.

И когда старший брат поднимался, сказал женам:

— Не слишком жирным и не слишком худым содержите его.

И они вдвоем с младшим братом отправились /тот, кто за ним пришел, был могучим человеком/.

Далеко ли, близко ли шли. Пришли в большую деревню. Тот показал ему (кто кому?): кости мертвецов высились, словно гора. Когда туда пришли, остановились и отдохнули. Гость говорит:

— Небесных чертей (!) трое, (если) где только объявится храбрец, вызывают его и убивают. Ни один не выжил. Здесь есть нора, их сестра там живет.

Вместе на берег к воде спустились. Там громадный молот оказался. На реке этой три столба стояло. У основания столбов — толстые цепи. На конце цепей три больших крюка было.

— Я сейчас уйду, потом солнце начнет «моргать» (?), тогда постарайся не сплеховать. Через некоторое время три больших тайменя приплывут. На этом небе моя сестра живет, из-за нее воюем, столько людей потеряли. Те черти сватают ее, а она отказывает, и из года в год теряем людей (неясно, чьи это слова).

Сказав, шлеп — повалился, превратился в тайменя и уплыл.

Наш герой разделся и лежа покуривал. Вдруг слышит — птица в воздухе женским голосом говорит:

— Спуститься бы к тебе, да боязно что-то.

Посмотрел вверх: с бабочку (нечто) маячит наверху.

— Так спускайся, не робей.

И вот она спустилась, стала сама собой — прекрасной женщиной. Она причесала ему голову, а вскоре яркое солнце «заморгало». Женщина вскрикнула:

— О, уже приближается!

А наш герой сидит себе. Женщина влезла в птичью кожу и убежала (улетела). Когда пошел (герой) к воде, посмотрел: громадный приближается, вспенивая воду. Прыг — (наш герой его) крючком захватил и потянул. Только хотел дух перевести, смотрит — еще один приплыл. А потом — третий. А затем маленький подплыл таймень.

— Так вот каков мой зять, что за ним в такую даль ходили!

Когда этим молотом всех поубивал (кого?), сказал (кто?):

— Ну, зять, твоя воля, зайти ли к ее сестре? (?)

Наш герой отвечает:

— Зайду-ка. Посмотрю, ты подожди меня здесь.

Он открыл нижнюю дверь и вошел, (а там –) краснокожая женщина-людоедка. Когда вошел, сказала:

— О, слухами о тебе только перебивалась.

Протопал он к ней, схватил за волосы, покрутил ее так, да и выбросил через отверстие в стене со словами:

— Станешь нормальной женщиной — войдешь, а ведьмой останешься — умрешь!

Выкинул ее, только «тирф-тирф» раздалось. Тут дверь отворилась, и она вошла: высокая, краснокожая, в настоящую женщину превратилась.

НГЫЗИТ 7

Лиса перебиралась на другой берег моря. Бежала-бежала по льду и оторвалась от берега /лед отошел от берега/. Оторвавшись, лед поплыл. Когда лед поплыл, так она и плыла, будучи на льду, вместе со льдом:

— Госиго, гон-гон-гон, санга наха гон-гон-гон.

Так приговаривая, плакала лиса.

И вот высунулась /вынырнула/ одна нерпа (и говорит):

— Лиса, почему ты плачешь?

Отвечает лиса:

— О, да разве я плачу? Старинную песню напеваю я.

(Тогда нерпа говорит):

— Ах так, тогда спой еще.

(Лиса) повторила:

— Госиго, гон-гон-гон-гон, санга наха гон-гон-гон.

— Ах, какой прекрасный голос!

(Лиса говорит):

— Я хорошо спою, позови всех своих друзей. Видно, вас, нерп, много очень. Вряд ли столько же будет других морских зверей. Сколько бы ни было вас, сколько бы ни вышло, я вас всех пересчитаю. Сколько бы ни было вас, протянитесь до самой земли.

И впрямь нерп выплыло огромное количество. Черным-черно, вода полна нерпичьими головами, хватило до самой земли /до берега/.

«Раз-два-три, раз-два-три», — прыгая по головам, к берегу устремилась.

«Раз-два-три», — с этими словами достигла земли. Как наступила на самую крайнюю /голову/, так выдавила глаза, стремглав пустилась прочь.

— Лиса, напрасно ты веселишься, попадешься в ловушку уас-ычха.

Так сказали нерпы.

Шла, бежала и правда попала в ловушку уас-ычха, когда пыталась украсть что-то.

Лиса опять взывала:

— Госиго...

Тут появился один человек и спрашивает:

— Лиса, отчего ты плачешь?

— Да разве я плачу? Ведь я пою от души. Давай подружимся!

— Да, конечно! Бедный друг, так ты в ловушку угодил?

— Да попасться-то я попался, но я все равно от души пою.

С этим человеком вместе отправились, а он вез жир. Он с нартами был.

(Лиса говорит):

— Давай повернем назад.

Повернули назад, шли-шли и вдруг лиса говорит:

— Ой-ой, живот болит, позволь мне сесть как раз между двумя посудинами с жиром, у меня сильно живот болит!

Вот посадил ее между двумя посудинами с жиром. Развернулся и шел не оглядываясь. А когда посмотрел, лиса дочиста съела жир и была такова.

— Ну, подожди, лиса, попадешься в ловушку уас-ычха и пропадешь!

(Так) пожелал он /тот человек/.

Так и случилось: дошла до ловушки уас-ычха и попала в нее. И там выла: «Госиго, госиго ...». Тут пришел уас-ычх, убил ее да и съел всю.

Вот и вся сказка о лисе. Это — нанайское тылгу.

Примечания: Г. А. Отаиной:

1. Сюжет известен в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов. Рассказчик уточнил, что это тылгу — нанайское. Между тем, детали быта — типично нивхские (например, жир хранится в сивучьих (нерпичьих) желудках).
2. — Госиго, гон-гон-гон-гон, санга наха гон-гон-гон. — образное выражение на нанайском языке (угадывается нанайский корень со го — 'плакать'. — А. П.).
3. Уас-ычх — дух-хозяин (старик). Нивх. ычх означает 'старик', непонятно, какому языку принадлежит слово уас.
4. Нивх. том пигр 'желудок с жиром' (в желудках крупных морских зверей нивхи обычно хранили жир).
5. Счет тоже ведется не на нивхском языке, а на одном из тунгусо-маньчжурских.

Комментарий А. М. Певнова:

Для сравнения приведу целиком негидальскую сказку, записанную нами с М. М. Хасановой (Мифы и сказки негидальцев 2003: 117-118) (комментарии на сс. 205-207 приведены в сокращенном и несколько измененном виде):

В дупле большого дерева жила одна многодетная летяга. Когда мимо дерева шла одна лиса, то увидела, что из дупла выглядывает летяга. И лиса спросила у летяги: «Ты, летяга, что высматриваешь, не выходя (из дупла)? Выйди — давай мы поговорим!» Летяга сказала: «Я не вы-ыйду! (А то) мои маленькие дети здесь замерзнут». Лиса (тогда) сказала: «Летяга, детенышей давай!»* Летяга сказала: «Энгрэтами!»** Лиса стала пугать летягу (подражая филину): «Дедуш-берегуш-посверкиваю***!» Летяга сказала: «На-на-на!» Опять ушла лиса. (Но) вскоре вновь вернулась. Вернулась и сказала: «Летяга, детеныша давай (нан.)!» Летяга сказала: «Энгрэтами!» Лиса опять стала пугать: «Дедуш-берегуш-посверкиваю!»

Снова отдала леляга (детеныша): «На-на-на-на!» (Вот) так прикончила лиса лелягиных детей. Леляга, когда ее дети были прикончены, вышла из своего дупла (и) снаружи плакала. В это время (букв.: когда плакала) появился дедушка-сова. И спросил у леляги: «Ты почему, леляга, плачешь?» Леляга сказала: «Лиса всех моих детей слопала, стращая (меня) тобой». Дедушка-сова сказал: «Ничего, леляга, ты очень-то не плачь — я лису накажу (букв.: убью)». Полетел дедушка-сова от леляги, потом сел на какое-то дерево. После этого лиса, придя (и) увидев (его), стала скрадывать**** дедушку-сову: спина — хрясь, зад — хлоп, шея — вниз, зубы — блеск, глаза — вспых, уши — вверх, хвост — вжик****. Повернулся тогда дедушка-сова, голову (назад) вывернул. Спросил: «Лиса, на кого охотишься?» Лиса сказала: «Ох, дедушка, я на твой хвост подумала, что (это) птичка!» Дедушка-сова сказал: «Ты, лиса, меня не обманывай — (это) ты ко мне подкрадывалась! Ты хотела меня убить — (за это) я тебя брошу в море. За что мне тебя, лиса, ухватить?» Лиса сказала: «Ухвати посередине спины». Сцапал (букв.: укопил) дедушка-сова лису за середину спины. И понес. Лиса, когда нес ее филин, плакала (прощаясь с землей): «Мои любимые сопочки, деревца мои, речушки-речки мои, мои теплые норы — прощайте: намеревается (букв.: направляется) филин бросить меня средь моря, чтобы съел (меня) кит». Тогда филин спросил: «Чего, лиса, плачешь?» Лиса сказала: «Дедушка, я не плачу, я пою то, что пел мой отец, когда брал (в жены) мою мать». Тут добрались до моря. Достигнув середины моря, бросил филин лису с высоты в море. И стала лиса плавать в море туда-сюда. И вот вынырнула одна нерпчка. Лиса стала у той нерпы спрашивать: «Много вас нерп?» Нерпа сказала: «Нас мно-о-ого!» Лиса сказала: «(Ой) врешь, чего же ты (тогда) одна вынырнула?» Нерпа сказала: «Мои сородичи в воде, внизу (букв.: внутри). Если вынырнут, заполнят это море». Лиса сказала: «Ну-ка, выведи (на поверхность) своих сородичей — я посчитаю!» Тогда снова нырнула (букв.: вошла в воду), потом стало выныривать мно-о-жество нерп. Лиса взобралась на головы нерп и стала считать: «Один, два, хелебедду-у*****; три, четыре, хелебедду-у; пять, шесть, хелебедду-у...». Лиса перескакивала с одной нерпичьей головы на другую (букв.: с голов нерп на головы): «Десять-двадцать-хелебедду-у!» Так (и) скакала по головам нерп, пока не приблизился крутой морской берег. Тогда с нерпичьих голов соскочила на берег. Потом побежала лиса в тайгу.

Записано 8 и 11 августа 1988 г. в с. Владимирова
района им. П. Осипенко Хабаровского края от
Казарова А.П. 67 лет, род Чукчагил.

* детенышей давай — рассказчик эту фразу сначала сказал по-негидальски, а затем поправился и произнес по-нанайски.

** Энгрэтами — так в сказке пытаются передать «язык» леляги, ее рассерженный голос.

- *** Дедуш-берегуш-посверкиваю — здесь использован занятный изобразительный ряд искаженных слов. С помощью такой фразы, перевод которой на русский язык представлял немалые трудности, лиса пыталась, по объяснению рассказчика, запугать летягу.
- **** стала скрадывать дедушку-сову — русское диалектное слово «скрадывать» означает «подкарауливать, подкрадываться с целью охоты».
- ***** спина — хрясь, зад — хлоп, шея — вниз, зубы — блеск, глаза — вспых, уши — вверх, хвост — вжик — таким образом описывается охотничий азарт лисы, ее хищная морда и мягкие движения навстречу добыче. В оригинале использован красивый аллитерированный ряд образных слов.
- ***** хелебедду-у — рассказчик пояснил, что лиса считала нерп «просто так», не по-настоящему, а только чтобы добраться до берега. Нам кажется, что здесь сделан намек на неумение лисы считать: она знает только два-три числительных, а дальше считать не в состоянии.

НГЫЗИТ 8

(опубликовано в ЕМIS только в переводе на русский язык, с. 202-203)

Молодой человек имел жену, она была беременная. Незадолго до родов он ушел на охоту. В это время жена родила двух мальчиков-близнецов. После этого Ралкр-умгу¹ откуда-то прослышав про роды, явилась в дом. Пришла и стала суетиться: то щенков кормить собралась, то детей мыть, то готовить еду — за все сама хваталась. Улучив момент, выскочила из дома, взяла на вешалах² старую высохшую икру и, пряча, занесла. Нажевала эту икру, складывая в маленькую чумашку³, потом бросила в глаза женщине, родившей близнецов, и ослепила. Ослепила ее и, схватив детей, положила (их) в корыто для собак, отнесла на берег и столкнула в воду.

Вместо детей где-то в лесу раздобыла поросят и сунула женщине в руки, завернув их в тряпье. А сама ушла, говоря со смехом: «Поросят родила!».

А та женщина опустила и оставила поросят, спустилась к берегу, стала ползком искать своих детей по краю воды и в кустарнике. И так почти весь год искала детей.

¹ Сказочный персонаж отрицательного характера в противовес положительным героям (примечание Г. А. Отаиной).

² Вешала — «приспособление для сушки чего-л.» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 40).

³ Чумашка, чуман — «берестяной короб больших и малых размеров, используемый в качестве посуды и для некоторых хозяйственных потребностей» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 327, 328).

А дети ее плыли-плыли и остановились, зацепившись за упавшее /в воду/ дерево. И вот медведица, которая промышляла рыбу на реке, увидела их, по одному вытащила на берег и положила на землю. И эта медведица оставила их себе, кормила (своим молоком), растила их.

А та Ралкр-женщина, думая, что (родившая близнецов) женщина погибла, пришла и поселилась в ее доме. Поживала себе, да ее мужа поджидала. Когда он вернулся, она сказала, что жена родила поросят и от стыда ушла и пропала.

Ее муж не поверил ей и пошел искать свою жену. Искал-искал жену, нашел детей и взял их с собой, пока медведица где-то кормилась.

С детьми шел-шел и набрел на давно заброшенную избушку, где была его жена, слепая и седая. И когда они возвращались домой в свою деревню, Ралкр-умгу увидела их и сбежала. Прибежала к реке и хотела переправиться, да и утонула сама.

НГЫЗИТ 9

В старину одна семья жила. Они содержали у себя девочку-сироту. Бедная девочка! Что бы она ни сделала — все плохо. Когда ели, остатки юколы ей бросали, кидали ей то, что сами не хотели есть. Одежда на ней была дырявая, обувь — на разную ногу, так и ходила. Даже собаки так не жили. И все это из-за хозяйки дома. Она ненавидела сироту.

Однажды в холодный декабрьский день весь день (хозяйка) заставляла ее носить воду. Как было ей холодно и голодно! Она принесет воду — та ее израсходует, еще принесет — израсходует. На ночь оставалось в котле немного воды. Эта женщина ночью встала и вылила воду, разбудила сироту и погнала за водой.

Девочка встала, оделась-обулась в рвань, взяла две чумашки¹ и со слезами перешагнула через порог. Вышла, взяла коромысло и пошла на берег.

Не успела она выйти наружу, как стала дрожать от холода. Да что поделаешь? Спустилась, пробила лунки и набрала воды, наполняя чумашки. Потом

¹ Чумашка, чуман — «берестяной короб больших и малых размеров, используемый в качестве посуды и для некоторых хозяйственных потребностей» (Словарь русских говоров Приамурья 1983: 327, 328).

села и заплакала. Когда она плакала, щенок, за ней увязавшийся, сел рядышком и слизывал слезы.

Полная луна светила. Девочка плакала долго-долго. Потом вдруг стало светло, как днем. Посмотрела — оказывается, Луна к ней спустилась! Она надела коромысло с полными чумашками и шагнула на Луну. Как только она ступила на Луну, щенок прыгнул за ней. Луна обратно поднялась на небо.

Теперь, когда смотришь на полную луну, ту девочку хорошо видно. Она с коромыслом, чумашки полны водой, а у ног ее щенок. Они смотрят на нашу землю.

Примечание Г. А. Отаиной:

Сюжет известен нанайцам.

Комментарий А. М. Певнова:

Этот сюжет следует отнести к мифам, а не сказкам, однако условно оставим его в той категории, к какой его сочла нужным причислить Г. А. Отаина (то же самое касается и следующего сюжета — о бурундуке и медведе, а также некоторых других, названных в материалах Г. А. Отаиной сказками (ызит)).

Мы с М. М. Хасановой записали в разные годы и в разных населенных пунктах три варианта соответствующего мифа о сиротке, оказавшейся на Луне. Приведу их полностью в переводе на русский язык:

«Если посмотреть на Луну во время полнолуния, то видно стоящую с коромыслом девочку. Об этом говорили: это стоит девочка с коромыслом.»

(Записано 18 августа 1988 г. в с. Владимировка района им. П. Осипенко Хабаровского края от Казарова А.П. 67 лет, род Чукчагир)

«У (чужих) людей жила девочка-сиротка. Девочку заставляли ночью носить воду. Девочка плакала,нося по ночам воду. Месяц пожалел девочку. Спустился месяц на землю, взял девочку, поднял (ее) месяц на небо. На Луне и сейчас видно ту девочку.»

(Записано 27 августа 1987 г. в с. Белоглинка Ульчского района Хабаровского края от Мани В.П. 53 лет, род Айимкан)

«Жила одна девочка с отцом, мачехой (и) младшей (сводной) сестрой. Мачеха ее очень обижала. Мачеха (использовала) девочку как работницу. (Она) оди-нёшенька воду таскала, дрова (в дом) заносила, посуду мыла, еду варила. И всегда мачеха ее бранила: что ни сделает — все плохо, как ни работает — никогда не похвалит. Девочка всегда страшно уставала. По ночам (она) выходила на улицу (и) горько плакала. Зимой (поплавав) умывалась снегом, летом умывала лицо водой (из ручья). Месяц все это видел: и то, что зимой плакала, и то, что летом плакала. И вот однажды, когда (она) плакала, месяц спустился, спустился вниз (к ней): «Сколько я (уже) наблюдаю, что ты плачешь. Отчего плачешь? Пойдем со мной (букв.: пойдешь ли со мной туда, вверх)?» И девочка сразу согласилась, сказала: «Пойду!» С тех пор девочка стала жить на Луне. С тех пор, если посмотреть (на Луну), то видно девочку с коромыслом (и) ведром и щенка около нее. Потому старики говорят: никогда не обижай младших (сестер и братьев, а то) заберет (их) месяц вот так же, как забрал (ту) девочку.»

(Записано 16 сентября 1994 г. в с. Маго Николаевского-на-Амуре района Хабаровского края от Кини Д. Л. 67 лет, род Чомохогил).

Комментарий М.М. Хасановой по поводу трех только что приведенных негидальских вариантов:

«Этот сюжет распространен не только у народов тунгусо-маньчжурской языковой семьи, но и у многих народов мира. Мотивировка появления человека на Луне у разных народов неодинаковая, тем не менее сюжет можно, наверное, признать мировым» (Мифы и сказки негидальцев 2003: 153) (три негидальских варианта сюжета о девочке-сиротке на Луне опубликованы в этой же книге).

НГЫЗИТ 10.

БУРУНДУК И МЕДВЕДЬ

В старину звери и все другие жили, помогали друг другу. Все они могли разговаривать между собой.

Весной снег подтаял и медведь проснулся. Когда он выбрался из берлоги, текли ручьи, солнце грело тепло, прилетевшие птицы пели на разные голоса.

Медведь очень проголодался. Он ведь всю зиму проспал. Не было теперь ни ягод, ни желудей. Чем питаться? И вот он, сердитый, шел по сопке. Шел себе, шел, кто-то его сверху окликнул:

— Дедушка, ты уже проснулся?

Медведь поднял голову, поглядел: оказывается, маленький бурундук. Тогда у бурундуков была другая шкурка. Они все были красноватые, никаких пятен и полос не было. Медведь сказал:

— Бурундук, я только что встал. Я очень голоден. Нет ли у тебя чего-нибудь?

— Есть у меня припасенное для себя. Если не откажешься — съешь.

Сказал и из-под пней, камней, коряг вытащил орехи, желуди и угостил медведя. Медведь с радостью ел, чавкая. Поел и, тихонько погладив (бурундука) по голове, сказал:

— Бурундук, ты хороший зверек и товарищ, вот удача-то.

Медведь свою широкую лапу положил на голову бурундука, когти пронзили голову. Бурундук от боли прыгнул вперед. Тогда медвежьи когти от головы до хвоста царапнули, кровь брызнула. Вот почему сейчас на спине бурундука столько черных полос, сколько когтей медвежьих.

С тех пор бурундуки стали охранять свои запасы. Когда к ним приближаются, выскакивают и угрожают. Такие маленькие зверьки кидаются хоть на кого: будь хоть человек, хоть медведь, хоть крупный зверь, хоть мелкий.

С тех пор медведи, когда голодны, ищут запасы бурундуков под камнями, под корнями, под упавшими деревьями.

НГЫЗИТ 11

(опубликовано в EMIŠ только в переводе на русский язык, с. 200-201)

Травяной сноп и шило жили в одном доме. Однажды, когда случился буран, стало темно, и не было дров, чтобы топить, травяной сноп вышел наколоть дрова. А ветер сдул его и унес. Шило ждало, ждало своего приятеля, чтобы затопить печь, но не дождалось. Оделось всё, как только могло, вышло и пошло искать своего приятеля. Шло, шло, вставая и падая, пока не увидело мочу. (Моча говорит:)

— Приятель, а приятель, куда это ты отправился?

— Я иду искать своего дружка. Ты, может быть, его здесь видела где-нибудь?

— Нет, не видела я, позволь мне пойти с тобой искать его.

И вот шило и моча отправились вместе на поиски. Шли-шли и увидели кал. Кал тоже спрашивает:

— Вы куда идете?

— Мы идем искать своего друга.

И кал тоже стал просить:

— Возьмите меня с собой.

И отправились они вместе втроем. Шли-шли и увидели собачий череп, весь белый. Собачий череп тоже их спрашивает:

— Вы куда идете?

— Мы идем искать своего друга.

— Позвольте и мне пойти с вами.

Шли-шли и увидели точильный камень. Точильный камень тоже отправился с ними. Так они шли-шли вместе и, устав до изнеможения, увидели торыф¹. Они вошли, а никого нет. Каждый выбрал себе место, устроились (они) отдыхать. Шило устроилось посреди пола, кал и моча уселись по бокам, собачий череп улегся под порог, точильный камень устроился сверху над дверью. Они отдыхали и вдруг кто-то похожий на злого духа пришел. Войдя, протопал «топ-топ» и уселся прямо на шило. Тут (он) от испуга поскользнулся, наступив на мочу, рукой за кал схватился.

— Тьфу, пакость!

Побежал к двери. Собачий череп хватить его за ногу — (похожий на злого духа) бряк и упал, уцепился за дверь, а сверху точильный камень свалился на него и убил. И только после этого они нашли травяной сноп, шило схватило его, и они отправились домой. Конец.

¹ Зимнее жилище, землянку — примечание Г. А. Отаиной.

НГЫЗИТ 12.

МЕСТЬ ЛЯГУШЕК

(опубликовано в EMIŠ на нивхском языке с переводом на русский, с. 198-199)

Три женщины ягоду собирать отправились. Одна из подруг, как только присядут (они) отдохнуть, брала лягушку и мучила ее, несмотря на то, что подруги ее отговаривали. Кончив собирать ягоду, вечером палатку поставив, легли спать. Ночью две женщины, проснувшись, слышали, как их приятельница, на своем месте будучи, храпя, спала. Лягушки квакали и шуршали на ее месте.

Когда утром встали, их приятельница так и продолжала лежать и спать (как им показалось). Наши женщины, не добудившись, пошли и, приподняв ее одеяло, увидели, что их подруга, костями белея, мертвая (лежит). Лягушки съели ее всю целиком за то, что она мучила их.

Примечание Г. А. Отаиной:

*Записано 4 февраля 1975 г. от носителя восточно-сахалинского диалекта
Валентины Николаевны Сачгун, уроженки с. Ныйво Сахалинской области.*

НГЫЗИТ 13. МЕСТЬ КРЫСЫ

(опубликовано в EMiS на нивхском языке с переводом на русский, с. 199-200)

Молодые парни, когда в их ловушку попадала крыса, взяв ее, мучили. Старики не разрешали, но они не слушали их.

Однажды вечером в их собачьей будке собаки визжали, и крыса пищала. Те парни подумали:

— Наши собаки крысу, наверное, убивают.

Их собаки, повизжав, умолкли, писк крысы тоже прекратился. На другое утро, когда встали и пошли своих собак посмотреть, то их передовик, который в центре был, мертвым был и весь в крови. Крыса, увеличившись, пришла и их собаку убила.

Чтобы этого не случилось, нивхи крыс не мучают.

Примечание Г. А. Отаиной:

Текст записан от носителя восточно-сахалинского диалекта Валентины Николаевны Сачгун, уроженки с. Ныйво Сахалинской области.

Комментарий А. М. Певнова:

В настоящее время Валентина Николаевна Сачгун — великолепный знаток нивхского языка (ее ценил и с ней работал Е. А. Крейнович) — живет в поселке Катангли Ногликского района Сахалинской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторический фольклор эвенков 1966 — Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.-Л., 1966.
2. Крейнович 1973 — Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973.
3. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора 1908 — Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. Т. I. Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина). Тексты с переводом и примечаниями. СПб., 1908.
4. Мифы и сказки негидальцев 2003 — Марина Хасанова, Александр Певнов.
5. Мифы и сказки негидальцев. ELPR Publications Series A-2-024. Osaka, 2003.
6. Нивхско-русский словарь 1970 — Нивхско-русский словарь. Сост. В. Н. Савельева и Ч. М. Таксами. М., 1970.
7. Словарь русских говоров Приамурья 1983 — Словарь русских говоров Приамурья. Составители: Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. М., 1983.
8. Сравнительный словарь 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II. Л., 1977.
9. Таксами 1975 — Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.
10. Хасанова 1999 — Хасанова М. М. Проблема маньчжурского влияния на Нижнем Амуре // Этнос. Ландшафт. Культура. Материалы конференции.
11. Музей антропологии и этнографии — Российское географическое общество. СПб., 1999.
12. Хасанова 2007 — Хасанова М. М. Река в мировоззрении народов Нижнего Амура (к проблеме культурогенеза) // Реки и народы Сибири. СПб., 2007.
13. EMI S 1993 — Ethnic Minorities in Sakhalin. Yokohama, 1993.

Ответственный редактор:
д.ф.н. А. М. Певнов

Рецензенты:
д.ф.н. Е. В. Перехвальская
к.ф.н. А. Ю. Урманчиева

Финансовая поддержка издания осуществлена
в рамках «Плана содействия развитию коренных малочисленных
народов Севера Сахалина».

«План содействия развитию коренных малочисленных народов
Севера Сахалина» является трехсторонней инициативой, совместно
реализуемой региональным советом уполномоченных представителей
коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области,
компанией «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд»
(оператором проекта «Сахалин-2»)
и администрацией Сахалинской области.

Москва
2010

Российская академия наук

Институт лингвистических исследований

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной
(редактирование, предисловие и комментарии А. М. Певнова)